

Ю.А. КИМЕЛЕВ

**"СУБЪЕКТ"
И "СУБЪЕКТИВНОСТЬ"
В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ**

С91-02 / К 402

C91-02/K402

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Ю.А. КИМЕЛЕВ

**“СУБЪЕКТ”
И “СУБЪЕКТИВНОСТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МОСКВА
2006

中国人民大学图书馆

BR005514

¥70.00

ББК 87.6

К 40

Серия
«Проблемы философии»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел философии

Автор обзора

Ю.А. Кимелев – доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор

И.С. Андреева – доктор философских наук

Кимелев Ю.А.

**К 40 «Субъект» и «субъективность» в современной
западной социальной философии:** Научно-аналити-
ческий обзор / РАН. ИНИОН. Центр гумани-
та. науч.-информ. исслед. Отд. философии; автор Кимелев Ю.А. –
М., 2006. – 95 с. – (Сер.: Проблемы философии).
ISBN 5-248-00287-7

В работе рассматриваются те характеристики важнейших момен-
тов социального существования и функционирования индивида,
живущего в условиях современных западных обществ, которые
предлагаются в западной социальной философии и теоретической
социологии. Такие характеристики рассматриваются в перспективе
актуальной и потенциальной реализации субъектности.

ББК 87.6

ISBN 5-248-00287-7

© ИНИОН РАН, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
§ 1. Субъект в истории	12
§ 2. Субъект эпохи модерна	23
§ 3. Индивид в системе современных трудовых отношений	36
§ 4. Социальная дифференциация в современном обществе и «жизненный стиль»	59
§ 5. Глобализация и социальная идентичность	73
Заключение	89

Введение

История западной философской и социально-научной мысли последних столетий в определенном плане может рассматриваться как размышление о человеке в перспективе его субъектности, как осмысление его величия или нищеты, как обоснование его мощи или даже как утверждение об отсутствии такой реальности, как субъект. В настоящее время проблема субъекта и субъективности не утрачивает своей значимости, более того, она продолжает оставаться одной из главных задач философской, социально-философской и политико-философской мысли. При этом следует особо подчеркнуть, что современный дискурс о субъекте обладает выраженной спецификой.

Данная работа посвящена анализу наиболее значимых моментов этого дискурса. Мы сосредоточиваем свое внимание на социальных аспектах проблематики субъекта, или на проблематике социального субъекта¹. Речь при этом идет об индивиду, а не о родовом субъекте или о какой-то другой форме коллективной субъективности.

Рассмотрение ряда социально-философских и теоретико-социологических сегментов современного теоретического дискурса о субъекте призвано способствовать решению двух взаимосвязанных задач. Первая заключается в характеристике важнейших моментов социального существования и функционирования человека, живущего в условиях современных западных обществ. Очевидно, что эти моменты в определенной форме и мере характерны для существования всех людей современного глобального мира. Вторая задача состоит в

том, чтобы рассмотреть указанные характеристики в перспективе актуальной и потенциальной реализации субъектности, исходя из определенных моделей социальной субъектности.

Концепция социального субъекта определяется в качестве горизонта понимания философско-антропологической проблематики в широком смысле, в том числе проблематикой философии сознания, эпистемологической проблематикой, этикой и рядом других дисциплинарно-тематических разделов философии. Выражаясь иначе, можно сказать, что проблематика субъекта и субъективности в той или иной форме рассматривается многими течениями и направлениями современной западной философии – герменевтической философией, постструктуралистской и постмодернистской теориями, новейшей аналитической философией и т.д. Многие из этих разработок остаются вне нашего внимания в силу того, что мы ограничиваемся собственно социальными аспектами проблематики субъекта.

Прежде чем приступить к непосредственной характеристике разработанного в данной работе подхода к проблеме социального субъекта, кратко резюмируем ряд философско-антропологических и теоретико-социологических положений, которые образуют общий теоретический горизонт анализируемых проблем.

В отличие от других животных человеческий индивид наделен рефлексивностью и сознанием. Соответственно, он не существует спонтанно-естественным образом, его поведение определяется не только инстинктуальным оснащением, но также культурными смыслами и психологическими мотивациями. Кроме того, отношение человека к естественной среде обитания и к созданным им самим артефактам всегда опосредовано социальными отношениями и культурными смыслами. Разумеется, сами эти значения и отношения определяются и внешними условиями среды.

Человек рождается в сфере унаследованных моделей поведения, системы правил, норм и ценностей, определенного набора репрезентаций реальности. Совокупность всего этого накапливалась и передавалась посредством языка, коллективной памяти, вообще посредством коллективного опыта в широком смысле слова. Это позволяет утверждать, что наибольший теоретический вклад в разработку аналитических подходов к проблеме субъекта внесла социология.

¹ Некоторые другие аспекты проблематики субъекта будут рассмотрены в последующих работах.

В рамках социологической теории проблема социального субъекта разрабатывается в теории социального действия, теориях «социального характера», «моделей человека».

Первая из указанных – теория социального действия – занимает особое место в социологической теории. Некоторые социологи считают, что вся история социологии – это история постоянного столкновения двух фундаментально противоположных подходов к исследованию социальной реальности. Один из них представляет собой построение социологической теории как «социологии социального действия», другой – как «социологии социальной системы». Оба эти подхода содержат совершенно определенную философско-антропологическую перспективу, подчеркивая основополагающие антропологические характеристики, которые определяют социальность человека. «Социология социальной системы» постигает человека как существо, открытое миру, способное, в отличие от животного, к многообразным способам поведения. Соответственно, человек нуждается в институциональном контроле для того, чтобы своими действиями он не нарушал социальный порядок и не разрушал общество. «Социология социального действия» воспринимает открытость человека миру как его достоинство, открывающее широкие возможности действия и оформления мира, а не как недостаток.

При этом очевидно, что «социологию социальной системы» и «социологию социального действия» целесообразно рассматривать и использовать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности. Адекватное социологическое понимание возможно только при совместном использовании обоих указанных подходов. Более того, следует говорить о необходимости такого взаимодействия. Именно на решение этой проблемы и были направлены основные усилия социологической теории.

Охарактеризуем общий подход к проблематике социального действия, из которого исходит данная работа. Мы опираемся на анализ тех современных подходов к проблематике социального действия, которые выявляют и фиксируют новации в характере социального действия, его новые возможности, цели и способы реализации. При этом речь идет о попытках определить прежде всего содержательные новации. Вне нашего внимания остаются формально-теоретические разработки, ориен-

тированные на воспроизводство или трансформацию традиционных подходов в этой области.

Практически все разновидности современной теоретической социологии исходят из двустороннего характера социальной реальности, в которой человек предстает и как создатель, и как создание этой реальности. Мы конструируем ее своими действиями и в то же время испытываем те ограничения, порой весьма суровые и жесткие, которые она налагает на нашу жизнь.

Мы вправе также констатировать возросший уровень сложности символического оснащения социальных действий. Под символическим оснащением социального действия понимаются знания, нормы, ценности, смысловые полагания и конструкции, формирующие, направляющие и ориентирующие действия.

По-видимому, именно с этим связано то обстоятельство, что человек спонтанно воспринимает социальную реальность как нечто данное, внешнее, как некую непреложную фактичность и даже как систему, в которую он включен помимо своей воли и из которой практически нет выхода. Такое восприятие социальной реальности большей частью заслоняет от человека его социальную агентность и субъектность. Другими словами, современный человек склонен недооценивать и даже предавать забвению свое деятельностное участие в оформлении социального мира посредством своего действия, многообразно мотивированного его коммуникативной средой, ценностями, целями, желаниями, воображением и т.д.

Тем не менее двустороннее отношение между социальным действием и социальной структурой – это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения. Подчеркнем, что иное, не процессуальное понимание отношения между социальным действием и социальной структурой фактически делает ненужным рассмотрение социальной и исторической агентности как субъектности. (Примером может служить социальный эволюционизм, по крайней мере детерминистский эволюционизм, а также прогрессизм детерминистского толка.)

Социальный субъект – это индивидуальный, телесно-эмоциональный и рефлектирующий индивид, действующий в исторически и социально конкретных, ограниченных и даже случайных жизненных и социальных условиях. Несмотря на осуществляемую им потенциально свободно организацию происходящего, он остается обуслов-

ленным происходящим. Человек способен созидать общество и историю, способен постоянно продуцировать новые формы своего существования. Эти же формы оказывают обратное формирующее воздействие на человека. Место и время исторического существования определяет, каков тот или иной индивидуальный человек.

Представленные здесь в сжатой форме теоретические положения можно считать совокупной аналитической характеристикой действующего индивида. Мы исходим из представленной характеристики как необходимого основания и условия *возможности* той перспективы на социального субъекта, что положена в основу данной работы. Речь идет о попытке проанализировать некоторые моменты социального существования современного человека, исходя из определенной модели социальной субъектности. Если говорить кратко, эта перспектива указывает на определенный потенциал социального действия, который, возможно, лишь частично был реализован в истории западной цивилизации и культуры.

Использование понятия «субъект», а не других содержательно близких и функционально аналогичных понятий, таких как «актор», «действующий человек», «личность» призвано указать на определенную специфику в подходе к рассматриваемой проблематике. Именно понятие «субъект» включает в себя момент самоконституирования, самосозидания, отсутствующий в других понятиях.

В целом идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов: их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений как предпосылки осуществления собственного права и воли человека, а также как продукта действующих зрелым образом людей.

Основной принцип самоконституирования субъекта в нашем понимании – стать сознательным и автономным созидателем собственной жизни, будь то деятельность, сознательно и целенаправленно ориентированная на трансформацию или даже преобразование социального мира, будь то оформление своей приватно-индивидуальной жизни как чего-то, что не представляет собой только функциональное воспроизведение наличных социально-исторических возможностей.

Целесообразно выделить две основные формы самореализации социального субъекта. Первая – участие в макросоциальной трансфор-

мации с целью воплощения какого-то универсального социального блага. Назовем ее «универсалистской». Вторая форма – создание автономной «формы жизни» как воплощение приватно-индивидуального идеала субъектности. Будем обозначать ее как «приватная форма социальной субъектности». Обе указанные формы вбирают в себя все те способы поведения и деятельности, которые способны служить средством автономной субъективной самореализации. В любом случае речь идет о сознательной и деятельностной попытке придать своему социальному существованию и функционированию какую-то определенную форму, реализовать свою жизнь как какой-то более или менее устойчивый и последовательный социальный проект – универсалистский или приватный.

Универсалистское понимание социальной субъектности предполагает возможность обозрения и анализа социального целого. Такая модель предполагает два основных момента. Первый – идея о постижимости социально-исторической реальности и ее потенциальной трансформируемости в соответствии с божественно внушенными или имманентно-антропологическими замыслами, устремлениями и целеполаганиями. Второй момент – способность человека как субъекта социально-исторического действия осознать, постичь и реализовать такой потенциал. Именно такая возможность сегодня поставлена под вопрос. Усложнение социального устройства, непосредственного жизненного поля и деятельностной сферы каждого индивида ставят под сомнение возможность сделать прозрачной и обозримой социальную целостность.

Две выделенные формы социальной субъектности в известной мере представляют собой оппозиции, крайности, между которыми располагается широкий спектр возможностей. Вместе с тем у этих оппозиционных форм социальной субъектности есть «место схождения».

Субъект как ответственный агент предстает как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманные решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации определенной идеи. Речь идет об идее как организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и

жизненной практики. В общем это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Такое понимание субъекта предполагает осознанное, по возможности теоретизированное самоопределение субъекта и последовательное осуществление связанных с таким самоопределением целей, идей и ценностей в социальной жизни.

* * *

Мы выделили две основные и вместе с тем «радикальные», на наш взгляд, формы реализации социального субъекта. Первая форма, означающая возможность для индивида выступать в роли субъекта осознанной и целенаправленной трансформации общества, может быть идеал-типически реконструирована на основе классической нововременной философии истории. Соответственно, в работе на основе классической европейской философии истории предпринимается попытка расширенной реконструкции такой версии понимания социального субъекта.

Идея субъекта, обладающего самоопределяемой проективностью, причем в обеих указанных основных формах, оформлялась в эпоху модерна. Поэтому предпринимаемая нами попытка реконструкции нацелена на понимание «субъекта модерна», «модерновой субъективности». С этой целью рассматриваются некоторые репрезентативные философские и социологические теории, стремящиеся проанализировать модерн как определенную социально-историческую эпоху, а также диагностировать современное социальное состояние через соотнесение с модерном. Эти теории отобраны и анализируются преимущественно с точки зрения содержащейся в них концептуализации социального субъекта.

При этом современность рассматривается в работе в свете проблем, связанных с социальной дифференциацией, трудом, глобализацией, идентичностью и жизненным стилем. Выбор тематики обусловлен прежде всего значением соответствующих сфер социального существования и функционирования для характеристики объективного положения индивида в современных западных обществах, а также для оценки субъектного потенциала индивида, как он был определен нами выше. Концептуализированные нами ба-

зисные формы социальной субъектности выступают в качестве критериев оценки потенциала субъектности.

Можно с уверенностью констатировать, что продолжающийся процесс социальной дифференциации, причем не только функциональной, ведет к возрастанию потенциала плюрализации и индивидуализации в современном обществе. Этот же процесс означает, по крайней мере формально, расширение спектра возможностей субъектной самореализации. При этом место в мире трудовых отношений по-прежнему служит одним из важнейших критериев определения положения индивида и в современном обществе, поскольку труд остается одним из базовых социальных институтов.

Исследуемая проблематика теснейшим образом связана с социальным опытом индивидов, живущих в современных западных обществах. В этом плане понятие «социальная идентичность» может рассматриваться как некий общий контур, охватывающий очень многие моменты социального опыта современного индивида. Неслучайно особое место в современной социально-философской и социологической литературе занимает проблематика идентичности.

Понятие идентичности получало различное наполнение и указывало на различные характеристики в ходе времени — как это происходило и с понятием субъекта и субъективности. Сложность определения идентичности и, соответственно, многообразный характер дебатов относительно проблематики идентичности задаются в первую очередь процессами дифференциации и глобализации.

Исследование и в аналитико-диагностической, и в нормативно-оценочной части носит преимущественно социально-философский характер. Это, в числе прочего, определяет отношение к социально-научной, прежде всего социологической проблематике. Вне рассмотрения осталось политическое измерение анализируемой проблематики. Обращение к этому измерению потребовало бы включения проблематики современной политической философии и политических наук. Попытка решения подобной задачи не может быть предпринята в рамках данной работы.

В работе практически не рассматривается философско-аксиологическая и моральная проблематика. Другими словами, отсутствует рассмотрение тех целей и ценностей, на которые может ориентироваться та или иная версия универсалистского или при-

ватного социального проекта. Это обусловлено — что касается универсалистской формы социальной субъектности — фактическим отсутствием в обществе каких-либо крупномасштабных философско-исторических и идеологических проектов, способных задать подобные цели и ценности.

Реализация той или иной версии приватной формы социальной субъектности сопряжена преимущественно с привычными современными ценностными ориентациями индивидуального и приватного существования западного человека. Примечательным моментом современной эпохи является то обстоятельство, что многие из этих ценностей трансформировались в «символические блага», провозглашение и пропаганда которых образует составную часть функционирования современной капиталистической экономики и потребительской культуры. Именно этим определяется внимание к современным теориям потребления и потребительского поведения индивида, роли потребления в современных обществах.

§ 1. СУБЪЕКТ В ИСТОРИИ

Осознание индивидом собственной социальной субъектности и субъективности в Новое время было неразрывно связано с оформлением специфически европейского исторического сознания. Осмысление истории, а также историчности существования человека, его восприятие историчности своего бытия образует неотъемлемый компонент теоретической жизни европейской культуры, особенно в Новое время.

Более того, историческое самоопределение человека, реализованное в нововременной философии истории, стало в известной мере важнейшим средством социально-теоретического самоопределения вообще, включив в себя, в частности, осознание и теоретизацию политической и правовой субъектности. В связи с этим нами и предпринимается попытка реконструкции модели социально-исторического субъекта на основе нововременной философии истории.

Проблематика «человек и история» традиционно представляла в философии в двух основных видах. Первый вид связан со стремлением определить место человека в социально-историчес-

ком процессе, определить смысл его исторического существования и действия посредством философско-исторической рефлексии. Наиболее полно подобное устремление было реализовано в классической философии истории.

Второй основной формой философского рассмотрения отношения истории и человека можно считать различные виды концептуализации «историчности человека». Такие концептуализации представляли как различные версии философии жизни, принимали философско-антропологический, философско-экзистенциалистский, философско-герменевтический характер.

Очевидно, что тематика данной работы обуславливает преимущественное внимание к первому из выделенных видов. На наш взгляд, именно в соотношении с метафизической философией историей может быть представлена модель социально-исторической субъектности и субъективности.

Вместе с тем следует учесть одно весьма важное обстоятельство. В философии истории рассматривается главным образом историческое действие и историческое движение человечества как родового субъекта. Основу философско-исторических концептуализаций образует корреляция и связь между родовым субъектом и всеобщей или всемирной историей. Философско-исторические построения, за редким исключением, не содержат эксплицитной и сфокусированной характеристики индивидуального исторического субъекта. Даже в тех случаях, когда признается конституирующая функция человеческого действия в истории, остается неясным, идет ли речь о сознательном целеполагающем индивидуальном действии или о спонтанном историческом результате действия индивида как компонента коллективного субъекта.

В связи с этим обстоятельством нами и предпринимается попытка решить такую задачу — представить модель индивидуальной исторической, социальной субъектности, — а сама задача квалифицируется как «реконструкция».

Предпринимаемая реконструкция носит характер «потенцирования» неэксплицитных или неявных содержательных моментов философско-исторических теорий, которые могут быть сведены в своей совокупности в определенную модель социальной субъектности. В первую очередь это относится к тематике смысла исторического существования и действия.

Проясняющая экспликация и даже постижение исторического процесса в целом создавали условия для того, чтобы традиционная, прежде всего метафизическая философия истории могла претендовать на решение проблемы человека в истории, соответственно, на выяснение его роли и значения как исторического субъекта.

Многообразные разработки в различных сферах теоретического постижения и осмысления истории в Новое время можно в конечном итоге свести к полаганию «истории самой по себе» как важнейшего, если не единственного, измерения человеческого существования. История претерпевает своеобразную субстанциализацию, становится для человека фундаментальной реальностью, причем реальностью не внеположной по отношению к человеку. Эта реальность понимается в Новое время как сфера специфически человеческого жизнепроявления. История понимается как средство становления, средство персонализации человека. Такой подход к истории может базироваться на теоцентричном или антропоцентричном принципе, но в любом случае история предстает как исключительно важная реальность, так или иначе определяющая существование человека.

Ясно, что такое понимание истории есть и утверждение исключительного смыслового значения истории. В известной степени правомерно утверждать, что в соответствии с какой-то базисной интенцией нововременного отношения к истории смысловая проблематика вообще совпадает со смысло-исторической проблематикой.

Главные цели философии истории в своей совокупности ориентируют на разработку теории исторического процесса. Это должна быть теория, способная в конкретном приложении реализовать некоторые основные цели – определить бытийную специфику исследуемой сферы, установить наиболее общие и фундаментальные структуры, причины и факторы этой сферы, указать ее отношение к человеку и соответственно выявить смысловое значение в антропологической перспективе, т.е. выявить смысловое содержание рассматриваемой сферы с точки зрения человеческой жизни. Если говорить кратко, то философия истории призвана указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории.

Классический философско-исторический дискурс являет два основных воззрения на проблему отношения «человек – история». Первое утверждает однозначное господство всеобще-исторических моментов над индивидуально-личностными в том плане, что индивид как исторический субъект есть лишь средство реализации всеобщих содержаний. Масштаб исторической личности определяется мерой ее продуктивности в такой реализации.

Второе воззрение провозглашает, что человек – исторический субъект – сам конституирует свое историческое существование как какое-то осмысленное историческое образование, как определенную историческую целостность. Процесс конституирования может восприниматься в своем предельном виде как условие созидания каких-то общих исторических институтов, структур, целостностей. Такое созидание и задает смысл исторического существования участвующих в этом процессе индивидов.

Как бы завершающей задачей философского постижения истории можно считать попытки выявить «смысл истории».

Смысло-теоретическое отношение к истории всегда ограничивается двумя крайними позициями, скоррелированными с указанными воззрениями на проблему отношения между человеком и историей. Первая заключается в полагании объективного всеобщего исторического смысла. Теоретизирование по поводу такого смысла должно носить реконструктивный или отражающий характер. Историческая жизнь человека есть пребывание или деятельность в охватывающей его смысловой сфере.

Смысл исторического действия субъекта при таком подходе усматривается в реализации определенных принципов, идей, сущностей или ценностей. Такие объективно существующие всеобщности конституируют историческую жизнь человека в организованное, упорядоченное целое, прозрачное для теоретической рефлексии. Сама эта рефлексия, прозревая и утверждая смысл исторической жизни, служит либо целям более адекватного и полного понимания божественного замысла относительно человека и его истории, либо целям просвещенного освобождения человечества, полной реализации «сущности человека», воплощению неисчерпаемых творческих и конструктивных возможностей человечества.

Как правило, подобная всеобщность является и определенным антропологическим тезисом, призванным выразить предна-

значение существования человека. Когда история предстает как процесс искупления и очищения, который найдет завершение в божественном суде; как одна грандиозная хвалебная песнь Богу, строки которой образуют те или иные исторические культуры, эпохи, обстоятельства и люди; как движение человечества к своему освобождению; как процесс борьбы с природой, призванный привести к созданию осмысленного человеческого ареала в недрах массивно-бессмысленного природного бытия, и т.п. — тогда все эти тематизации исторического процесса суть соответствующие «образы человека», выражения бытийной судьбы человека.

Вторая позиция как бы противоположна первой. Она связана с утверждением о том, что исторический смысл инновационно порождается, постоянно создается субъектами исторической жизни; историческая деятельность субъектов различных форматов не имеет заданного или тем более predetermined характера и в своем смысле-продуцирующем аспекте является во многом недетерминированной и открытой: исторический смысл просто совпадает с историческим существованием.

Итак, анализ философии истории показывает, что индивид предстает либо как средство реализации исторических всеобщностей, либо как инстанция, конституирующая исторический процесс. С этим же коррелировано то или иное понимание индивида как носителя «исторического смысла».

Эти две продемонстрированные позиции можно воспринимать и как две версии универалистской формы социальной субъектности. Укажем на одно весьма существенное обстоятельство. Для полной и действительной реализации социальной субъектности требуется выполнение еще одного, причем важнейшего условия. Исторический индивид должен рефлексивно-когнитивно осознавать свою историческую функцию или свое историческое предназначение и стремиться к последовательному воплощению этой функции или предназначения.

Следует отметить, что в философско-исторических построениях практически отсутствует подобная постановка вопроса. Одна из причин упоминалась выше, когда речь шла об отсутствии сфокусированного внимания к историческому индивиду в его партикулярности. Вторая причина состоит в том, что видением историче-

ского целого наделяется только философ, осуществляющий концептуализацию исторического процесса. А соотнесение с таким целым фактически является условием осуществления социальной субъектности в ее универалистской форме.

Теоретическая разработка универалистской формы социальной субъектности в содержательном плане не ведется в современной философии, поскольку это возможно только в рамках материальной философии истории, а современная философская мысль отказалась от установки на всеобъемлющую систематизацию исторического прошлого как необходимого предуготовления настоящего или будущего. Это означает, по существу, и отказ от постулирования или конструирования универсального исторического смысла, который охватывал бы все временные измерения исторической жизни человечества.

В философии, исторических и социальных науках в настоящее время фактически не предпринимаются попытки создать единую концептуальную картину всемирной истории, в которой нынешнее состояние человечества предстало бы как естественный или как закономерный результат предшествующего исторического развития.

Отметим некоторые важнейшие теоретические факторы, обусловившие отсутствие таких концептуализаций всемирной истории. Теоретическая мысль осознала всю проблематичность оперирования сущностями, которые традиционно полагались в качестве крупномасштабных субъектов истории, воспринимавшихся также и как носители исторического смысла. Речь идет о таких сущностях, как «народ», «нация», «государство» и т.п. Теоретическая мысль не представляет настоящее как закономерный итог поступательного, кумулятивного движения, реконструируемого каузально-аналитическим способом. Это делает сомнительной возможность таких построений, где бы историческая жизнь представала как реальная преемственность, выступающая в качестве условия возможности прогрессирующего осуществления смыслов или какого-то всеобщего исторического смысла.

Наконец, в теоретической мысли практически аксиоматическим является представление о невозможности какого-либо телеологического детерминизма. Следовательно, невозможна тематизация какого-либо будущего или тем более окончательного исторического состояния, которое необходимо должно наступить и

способно поэтому объяснить прошлое и настоящее через их движение к этому состоянию.

Рассуждения о конце истории в значительной мере мотивированы именно тем обстоятельством, что становится все труднее теоретически постигать и осмыслять отношения между историей и индивидуом. Теоретические конструкции и идеологические построения на этот счет разрабатывались в подавляющем большинстве своем в предыдущие эпохи, когда история, как казалось, представляла как нечто обозримое, постигаемое и трансформируемое. (В сфере философии речь идет о классической философии истории.)

Такие регулятивные представления относительно теоретического постижения истории крайне затрудняют возможность смысловой ретроспективы и перспективы, базирующихся на теоретической реконструкции исторического процесса.

Вместе с тем и в условиях ухода со сцены материальной философии истории остается возможность общей теоретической рефлексии относительно истории. Фактически это осуществляется как процесс и результаты деятельности соответствующего сегмента академического истеблишмента. Существует поэтому принципиальная возможность субъектного – коллективного или индивидуального – соотнесения с историей.

Это означает, что в принципе индивид имеет возможность рефлексивно-теоретического исторического самоопределения. Это означает также и возможность практико-деятельностной ориентации, опирающейся на историческое знание.

* * *

Главные задачи данной работы предполагают – в соответствии с выбранным методологическим подходом – оценку теоретического, в том числе философского и практического отношения современного человека к истории, исходя из предлагаемого понимания социальной субъектности.

Новейшей эпохе присущ определенный аисторизм, который и мотивирует в конечном счете разговоры о «конце истории», «постисторическом состоянии», «конце исторического человека» и т.п. Настоящее не нуждается в смысловой санкции со стороны прошлого или

какого-то определенного будущего. Настоящее образует самодовлеющую историческую и соответственно смысловую тотальность. Об аисторизме современного культурного сознания правомерно говорить в том плане, что это сознание функционирует, не соотносясь постоянно ни с прошлым, ни с будущим.

Угасание живого интереса к историческому прошлому как хранилищу полезного или назидательного, причем интереса не музейного, не эрудитско-эстетического, а такого, который стремится мобилизовать прошлое в качестве ценностно-нормативного ресурса или стремится утвердить настоящее как достойный итог прошлого развития, образует содержание того аисторизма, который можно зафиксировать как примечательную черту нынешнего западного культурного сознания.

Подобный аисторизм связан с рядом факторов, важнейшими из которых представляются следующие. Во-первых, наличие теснейшая связь социальной жизни с процессами управления и планирования, призванными сделать социальную жизнь исчисляемой и предсказуемой. Во-вторых, дистанцированность по отношению к собственной традиции как нормативно-обязательной инстанции. В-третьих, четкое осознание принципиального своеобразия нынешнего состояния исторической жизни человечества, соответственно осознание относительной бесполезности поиска в прошлом каких-либо аналогов или образцов.

Следует особо подчеркнуть, что современный аисторизм носит специфический характер, выражающийся не в простом отрицании значения истории и ее воздействия на настоящее, а в том, что история предстает как растворенная в современности. Настоящее – это и бесконечный процесс рециклирования прошлого. Современность наполнена великим множеством воспроизводимых форм и содержаний прошлого, причем большей частью утративших свою жизненность и действенность.

На наш взгляд, эти моменты соотношения настоящего и исторического прошлого наилучшим образом зафиксированы Жаном Бодрийяром в его концептуализации «конца империи» (41). Ж. Бодрийяр выдвигает несколько различных гипотез, призванных обосновать его тезис о «конце истории». В соответствии с одной из них ускорение движения модерна во всех планах – техническом, событийном, коммуникационном, в плане ускорения экономиче-

ских, политических и прочих обменов – привело к тому, что мы перестали соотноситься со сферой реального и истории. Мы в такой мере «освободились», что вышли за пределы определенного горизонта, в котором «реальное возможно», поскольку еще действует какая-то сила притяжения по отношению к вещам и событиям. А требуется известная замедленность для того, чтобы происходила конденсация, значимая кристаллизация событий, которую называют историей.

Вторая гипотеза относительно прекращения истории представляет собой противоположность первой, поскольку связана не с ускорением, а с замедлением социальных процессов. В нынешних обществах господствуют массовые процессы, причем не только в социологическом или демографическом смысле. Инерция социального порождается множественностью и насыщенностью социальных обменов, суперплотностью городов, рынков, информационных сетей. «Инертная материя социального представляет собой холодную звезду, вокруг массы которой замерзает история. События чередуются и исчезают в индифферентности. Массы, нейтрализованные информацией, выработавшие невосприимчивость к ней, нейтрализуют историю и служат своеобразным поглощающим экраном. Они не имеют истории, не имеют чувства, сознания, не имеют желаний» (41, р.14). История, смысл, прогресс уже не ускоряют движение к освобождению. Масса в своей «молчаливой имманентности» глушит всякую социальную, историческую, временную трансценденцию. История заканчивается не вследствие отсутствия агентов исторического действия, отсутствия насилия или событий, а вследствие замедления, индифферентности и оцепенения. У человечества также был свой «большой взрыв». Определенная критическая плотность, определенная концентрация людей и обменов ведет к тому взрыву, который мы называем историей. Речь идет о «растворении плотных и иератических ядер» прежних цивилизаций. Сегодня это приобретает обратный эффект. Преодоление порога критической массы в терминах популяций, событий, информации ведет к обратному процессу – инерции истории и политики.

Третья гипотеза относительно конца истории связана с выходом за тот предел, за которым вследствие все большего ин-

формационного совершенствования история перестает существовать как таковая. Мы уже никогда не обретем историю, какой она была до эпохи информации и средств массовой информации. Мы уже не сможем изолировать историю от «модели ее совершенствования», которая в то же время есть «модель ее симуляции, модель вынужденного поглощения гиперреальностью». Мы никогда уже не узнаем, какой была социальность до возгонки в «бесполезное сегодняшнее совершенство», не узнаем, какой была история до возгонки в «техническое совершенство информации».

То обстоятельство, что мы выходим из истории и входим в «симуляцию», является следствием того, что сама история в своей основе представляет собой «грандиозную модель симуляции». Речь идет не о том, что существование истории – это повествование, которое мы рассказываем, или интерпретация, которую мы даем истории. О симуляции следует вести речь с точки зрения времени, в котором разворачивается история, того линейного времени, которое есть одновременно и время конца, и время бесконечного отодвигания конца. Это время, в котором происходит история, т.е. следование более или менее осмысленных обстоятельств, история сузилась до «вероятной сферы» причин и следствий, до сферы актуальности. Смысл событий стал ожидаемым смыслом, события программируются. Бодрийяр называет это «остановкой событий». «Речь идет о подлинном конце истории, конце исторического Разума» (41, р.40).

Бодрийяр не может утверждать конец движения истории. Он и не делает этого. В связи с этим перед ним фактически возникает задача совместить очевидность исторического движения и тезис о «конце истории». С целью решить эту задачу он, признав, что дело не обстоит таким образом, что мы покончили с историей, заявляет, что нам требуется «питать конец истории». Мы как бы продолжаем производить историю, нагромождая «знаки» социальности, политики, знаки прогресса и изменения, а в действительности лишь питаем ее конец, черпая эти знаки в прошлом.

Стремление вперед подменяется обращением к прошлому, подменяется бесконечным процессом ревизии всех значимых исторических явлений. Зачастую ревизия принимает форму обеливания исторических преступлений, «переосмысления» всего и вся.

Вместе с тем обращение в прошлое, бесконечная ретроспектива всего, что предшествовало нам, ставит проблему «отбросов», о которых много пишет Бодрийяр. Что делать с останками угасших идеологий, революционных утопий, мертвых концепций, продолжающих засорять наше «ментальное пространство»? По существу, вся история начинает представлять как совокупность живых отбросов. «Экологический императив» требует, чтобы отбросы были вновь пущены в дело, были рециклированы. Мы стоим перед дилеммой: либо останки и отбросы истории погребут нас, либо мы рециклируем их в какую-то «причудливую историю», какую мы в действительности создаем сегодня.

У истории не будет конца, поскольку все останки, все остатки истории – церкви, демократия, коммунизм, этносы, конфликты, идеологии и т.п. – могут подвергаться бесконечному рециклированию. Ведь все, что считалось преодоленным историей, в действительности не исчезло, все архаичные и анахроничные формы сохранились, готовы выйти на поверхность.

В соотношении с подходом Бодрийяра обратим внимание на то очень важное для нашей темы обстоятельство, что во внезападных обществах, а также в некоторых сегментах западных обществ постоянно осуществляется идеологическое соотношение с собственной исторической традицией, соответственно, можно вести речь об историческом самоопределении «рециклированного» характера.

Подводя итог, отметим, что в современной мысли не подвергается сомнению обусловленность человека историей и в истории. Вместе с тем такая обусловленность не трактуется как однозначно или как односторонне каузальная. Историческая обусловленность понимается как результат взаимообразного размежевания с историческими условиями и событиями. В общем такой подход, разумеется, не нов. Не будучи новым в принципе, он получает новое выражение, отчасти наполняется новым теоретическим содержанием.

Обусловленность субъекта историей не означает растворения субъекта в его исторической ситуации. Существуют специфические проявления того, что можно назвать «внутриисторическим трансцендированием», осуществляемым осознанием. Одно из двух важнейших таких проявлений – принципиальная приверженность прошедшей истории в виде стремления к интегральному и частич-

ному воспроизводству тех или иных эпох и традиций, как свободный коллективный и индивидуальный выбор с опорой на «рециклированные» исторические ресурсы.

Другое проявление – устремленность в будущее. В этом плане мы вправе подчеркнуть, что специфический историзм современного сознания, как он был охарактеризован, несет в себе и определенный эмансипационный потенциал. Дистанцирование индивида от исторических императивов, которые провозглашались различными философиями истории и историческими идеологиями, может означать расширение пространства свободы, усиление инновативности и продуктивности социального действия как самовыражения субъекта.

§ 2. СУБЪЕКТ ЭПОХИ МОДЕРНА

Реконструированная на основе классической философии истории модель социального субъекта – это по сути акцентированная в определенных отношениях модель субъекта, которую можно квалифицировать как «модель субъекта эпохи модерна».

Вместе с тем «модель субъекта эпохи модерна» может соотноситься и со второй основной формой социальной субъектности, поскольку автономное и сознательное оформление и реализация тех или иных проектов индивидуально-приватной жизни также становится возможным только в условиях модерна.

Оформление «идеи субъекта» как субъекта социального действия было неразрывно связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна. Это нашло свое отражение в теоретической мысли эпохи модерна, в том числе в философии и социологии. Сама мысль модерна есть в той или иной форме размышление о социальном субъекте и субъективности.

Попытаемся резюмировать общее содержание различных современных концептуализаций «субъекта модерна». Такие концептуализации могут быть ориентированы как на позитивную характеристику и осмысление субъекта модерна, так и на его критику и даже отрицание.

Обобщенная современная концептуализация субъекта эпохи модерна представляет индивида как наделенное уникальной идентичностью «я», неповторимое существо, базисной целью которого является самореализация. Индивид способен быть сознательным субъектом социального и культурного процесса. Такой субъект руководствуется прежде всего разумом, именно разум является стержнем субъектной и субъективной самореализации. Создание условий для самореализации такого индивидуально-автономного субъекта предстает как основная цель исторического и культурного процесса в западной цивилизации. Задача и смысл социальных институтов видятся в том, чтобы обеспечить условия такой самореализации для всех и каждого.

Традиционные философские воззрения на субъекта и субъективность подверглись критическому осмыслению в рамках структурализма, постструктурализма и постмодернизма. Субъект как рациональное, определяющее и контролирующее ситуацию своего бытия существо – вот та теоретическая и идеолого-мировоззренческая модель, которая была провозглашена несостоятельной.

К. Леви-Стросс заявил о «смерти человека», представляющего собой лишь средство, через которое реализуются и функционируют разнообразные структуры. Р. Барт заговорил о «смерти автора», если понимать автора как того, кто определяет смысл текста. М. Фуко объявил современную концепцию субъекта чем-то, что можно стереть. Как бы ни представляли себе так называемый постмодерн в будущем, он будет восприниматься как эпоха, которая считала возможным расстаться с понятием субъекта.

В перспективе постструктуралистов и постмодернистов субъект представляет собой фрагментированное существо, лишенное четко определяемой и устойчивой идентичности. Субъект – это процесс определенного рода, причем процесс в постоянном состоянии растворения, а не пребывающее во времени и сохраняющее свою уникальную определенность «я».

Постмодернизм рассматривает структуру «я» как нечто размытое и расчлененное: с одной стороны – фрагментированное опытом, а с другой – беспомощностью, которую индивиды испытывают перед лицом глобализирующих тенденций социальной и культурной жизни. Ежедневная жизнь формируется как результат

вторжения символических систем, массовой культуры, конституирующих мир в моделях и символах, которые делают его абсолютно искусственным. Уже никто не апеллирует к «реальному» объекту, поскольку не делается различия между представлениями об объектах и самими объектами, в мире доминируют искусственные модели. Отношение с миром трансформируется фундаментальным образом, и именно потеря связи с реальным миром вызывает ощущение «пустоты» и «бессмысленности» жизни.

Соответствующая позиция обозначается как «постгуманизм». Эта позиция является, по существу, определенным моментом постмодернистских воззрений, поскольку предполагается, что нынешняя эпоха – это и постгуманистическая эпоха.

Постгуманизм направлен в основном против «проекта Просвещения», если он рассматривается как потерпевший неудачу, а также против современного представления о субъекте, поскольку гуманизм представляет собой важнейший составной момент модерна.

Рассуждения относительно «конца субъекта» образуют составную, причем весьма значительную, часть так называемой «культуры эндиизма» (от англ. End – конец, окончание). Речь идет о совокупности определенных теорий, провозглашающих завершение исторического существования, соответственно, исчерпание социальной и культурной действительности определенных явлений, таких как история, субъект.

Провозглашение конца таких явлений призвано не только констатировать, но и служить другим целям, прежде всего целям эмансипации от устаревших, обременяющих и репрессивных идей и установок, в том числе и в практическом плане. Наиболее ярким примером можно считать тезис о конце истории. Ведь этот тезис можно понимать и таким образом, что нынешнее или будущее социальное и культурное состояние означает конец присущего истории отчуждения.

Вместе с тем «эндиизм» не означает стремления к полному разрыву с прошлым или полного его забвения. Достаточно вспомнить в связи с этим достаточно неоднозначное отношение постмодернизма к «эндиизму». С одной стороны, постмодернисты разделяют представление об уникальном своеобразии нынешней эпохи, более того, они очевидным образом находятся в первых рядах тех, кто заявляет о том, что мы вступили в принципиально новое со-

стояние. С другой стороны, постмодернистская культура вправе и призвана, в соответствии с программной установкой, широко использовать ресурсы культуры прошлого.

Постструктуралистские и постмодернистские теории, при всей своей распространенности, не исчерпывают всех теоретических подходов, разработанных в современной социальной философии.

Мы обратимся поэтому к рассмотрению тех концепций, в которых не только признается существование субъекта эпохи модерна — это признается в той или иной форме и теми, кто провозглашает его конец, — но и утверждается необходимость его сохранения и, более того, всемерной реализации его потенциала.

В этих концепциях, с одной стороны, теоретически фиксируются реальные условия существования субъекта эпохи модерна, а с другой — субъект эпохи модерна предстает как лишь отчасти реализованная возможность, как возможность, которая еще подлежит полной реализации.

Именно в таком ключе мы попытаемся реконструировать социально-философские концепции Юргена Хабермаса и Алена Турена.

Общая теория модерна разрабатывается Юргеном Хабермасом в жесткой теоретической соотнесенности с концепциями Т. Парсонса, М. Вебера, К. Маркса, Г. Лукача, Г. Адорно, М. Хоркхаймера¹.

Ю. Хабермас (61, 62) особо подчеркивает значимость двух тезисов. Во-первых, расчленение «системы» и «жизненного мира» является необходимым условием для перехода от статусно-стратифицированных обществ европейского феодализма к экономическим классовым обществам раннего модерна. При этом система представляет собой формально организованные сферы действия в области экономики и политики (хозяйство и государство), а жизненный мир структурируется коммуникативно как частная и общественная сфера. Во-вторых, капиталистический образец модернизации характеризуется тем, что символические структуры жизненного мира под воздействием императивов подсистем хозяйства и государства, становящихся через такие символические средства обмена, как деньги и власть, самостоятельными, искажаются или овеществляются. Капиталистическая рационализация через сферы экономики и государства проникает

и в другие, коммуникативно-структурированные сферы, приобретая здесь преимущество за счет морально-практической и эстетико-практической рациональности, и вследствие этого вызывает нарушения в символическом воспроизводстве жизненного мира.

Прогрессирующе рационализируемый жизненный мир одновременно и освобождается, и попадает в зависимость от экономики и государственного управления. Зависимость проявляется в «опосредовании» «жизненного мира» «системными императивами». Зависимость может принимать социально-патологические формы «внутренней колонизации». Но прежде чем аналитически обозначать тот порог, за которым «опосредование» жизненного мира превращается в колонизацию, целесообразно уточнить взаимоотношения между системой и жизненным миром.

Капитализм и современное государственное устройство предстают как подсистемы, которые с помощью таких средств, как деньги и власть, вычлениваются из системы институтов, т.е. из «общественного компонента жизненного мира». Жизненный мир реагирует на это своеобразным способом. В буржуазном обществе формируются социально интегрированные сферы действия, противостоящие системно интегрированным сферам хозяйства и государства. Речь идет о взаимодополняющих друг друга сферах приватности и общественности. Институциональное ядро приватной сферы образует малая семья, освобожденная от хозяйственных функций и специализирующаяся на задачах социализации. Институциональное ядро общественности — это коммуникационные сети, которые поддерживаются культурой с ее учреждениями, прессой, а позднее и средствами массовой информации.

Если монетаризация и бюрократизация, присущие хозяйственной и государственной сферам, проникают и в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство, то неизбежно возникают патологические побочные следствия.

Хозяйственная подсистема подчиняет себе «жизненную форму частного дома», навязывает потребителям свои императивы. Это обуславливает консумизм, собственнический индивидуализм, установки на достижение и конкуренцию. Повседневная коммуникативная практика подвергается односторонней рационализации в пользу утилитаристского жизненного стиля, которому

¹ Об общей теории общества Ю. Хабермаса см. (18, 19).

привержены специалисты. А такая ориентация на целерациональные содержания действия вызывает появление свободного от давления рационального гедонизма.

Подобно тому как приватная сфера подчиняется хозяйству, так и сфера общественности попадает под господство административной системы. Бюрократическое овладение процессами складывания общественного мнения и волеизъявления расширяет возможности целенаправленного формирования массовой лояльности.

«Процессы понимания, на которые центрируется жизненный мир, обуславливают потребность в культурной традиции во всем ее объеме» (62, с.483). В повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, способы выражения и оценки должны образовывать рациональную связь. Коммуникативная инфраструктура такого рода подвергается угрозе с двух сторон: ей угрожают тенденции «системно индуцированного овеществления» и «культурного обеднения».

Рационализация жизненного мира делает возможным вычленение самостоятельных подсистем и в то же время открывает «утопический горизонт» буржуазного общества, в котором формально организованные сферы действия (экономика и государственный аппарат) образуют основу для посттрадиционного жизненного мира человека (сфера приватности) и гражданина (сфера общественности).

Ни секуляризация картин мира, ни структурная дифференциация сами по себе не ведут с неизбежностью к патологическим побочным эффектам. Вычленение и своеобразное развертывание сфер культуры не ведут к культурному обеднению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит отпадение от повседневной деятельности «экспертных культур». Отчленение подсистем, управляемых деньгами и властью, с их организационными формами, от жизненного мира не ведет само по себе к односторонней рационализации или овеществлению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит проникновение форм экономической и административной рациональности в те сферы действия, которые противятся переориентации на деньги и власть, поскольку остаются специализированно связанными с культурной традицией, социальной интеграцией, воспитанием, а также остаются

ся ориентированными на взаимопонимание как механизм координации действия.

Если мы хотим объяснить патологии, проявляющиеся, по мнению Хабермаса, прежде всего в утрате смысла и свободы, то следует указать на неудержимую собственную динамику подсистем, управляемых деньгами и властью, которая означает одновременно колонизацию жизненного мира с присущим этому процессу ограничением возможностей науки, морали и искусства.

Подводя итог и реконструируя в сжатом виде многообразное исследование модерна у Хабермаса, мы получаем следующий «образ» этой эпохи:

- вычленение хозяйства и государства как систем, для которых жизненный мир становится «окружающим миром»;
- значительная динамика экономического роста, с одной стороны, и автономизация управления в бюрократически организованных обществах – с другой;
- возникновение неравновесий и кризисов в системах;
- возникновение вследствие этого патологий жизненного мира: овеществление коммуникативных отношений в капиталистических обществах и ложная демонстрация коммуникативных отношений в бывших социалистических обществах.

Хабермас отмечает, что теория капиталистической модернизации, пользующаяся средствами теории коммуникативного действия, относится критически как к современным социальным наукам, так и к общественной реальности, которую они призваны постигать.

Предметом нынешней критической теории общества является возникающее через системы патологии жизненного мира (или, выражаясь иначе, символическое) воспроизводство в постлиберальных обществах. Тем самым реализуется критерий современной теории общества, т.е. теории, ориентированной на Просвещение.

Критическое отношение к реальности развитых обществ обусловлено тем, что они не используют в полной мере тот потенциал научения, которым располагают в культурном отношении, а также тем, что эти общества демонстрируют «неуправляемое возрастание сложности». Возрастающая сложность системы, выступая как некая природная сила, не только крушит традиционные формы жизни, но и вторгается в коммуникативную инфраструктуру жизненных миров, уже подвергшихся значительной рационализации.

Оценивая концепцию Ю. Хабермаса с точки зрения нашей темы, отметим, что реализация индивидом своей социальной субъектности фактически неотделима от реализации интересубъективности, которая и должна стать полноценным результатом модерна. По сути, вся теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса представляет собой развернутое теоретическое определение условий реализации интересубъективности, соответственно, условий воплощения индивидуальной и коллективной субъектности.

Ален Турен (79) исходит из того, что обращение к вопросу о природе модерна – это обращение к вопросу об «идее модерна». При этом речь должна идти о позитивном определении, а не об определении через то, что модерн отрицает и отвергает.

В течение долгого времени модерн определяли лишь через указание на эффективное воплощение в нем инструментальной рациональности, покоряющей мир посредством науки и техники. Ни в коем случае нельзя отказываться от подобного рационалистского видения, поскольку оно предохраняет от всякого холизма, тоталитаризма и интегризма. Однако такое видение не дает полной «идеи модерна», более того, оно «скрывает половину такой идеи модерна: появление субъекта как свободы и творчества» (79, с.240). Не существует одного-единственного образа модерна. Можно говорить о двух образах, соотносящихся друг с другом, – образах рационализации и субъективации. Драма европейского модерна заключается в том, что он развивался в своеобразной борьбе с «половиной самого себя», преследуя субъекта во имя науки, отвергая всякий вклад христианства. Те, кто отождествляет модерн с рационализацией, сводят субъект к разуму, деперсонализируют его, приносят «я» в жертву, растворяют субъект в безличностном порядке природы или истории.

В действительности мир модерна во все большей степени соотносился с «субъектом, который есть свобода». Это означает, что в качестве благого принципа утверждается тот контроль, который индивид способен осуществлять над своими действиями и своей ситуацией, который позволяет индивиду воспринимать свои действия как часть его собственной личностной жизни и который позволяет индивиду воспринимать себя как актора. «Субъект – это воля действовать и быть признанным в качестве актора» (79, с.242).

И сегодня необходимо противостоять тому, чтобы один из компонентов модерна поглотил другой. Исключительное преобладание инструменталистского мышления ведет к угнетению людей, а преобладание субъективизма – к ложному сознанию. Мышление лишь тогда носит современный характер, когда отказывается от идеи какого-то общего, одновременно природного и культурного порядка. Такое мышление должно сочетать в своем подходе и детерминизм, и свободу, признавать и врожденное, и приобретенное, должно включать и природу, и субъект.

Критику модерна, т.е. сведение модерна к рационализации, не следует воспринимать как утверждение анти- или постмодерна. Речь идет о том, чтобы вновь открыть тот аспект модерна, который был предан забвению или оспаривался торжествующей рационализацией. Вместе с тем сами по себе субъект и «движение субъективации» не могут служить объединяющим принципом нового модерна. Таким принципом может быть только «сочетание субъекта и разума». Не следует закрывать глаза на то, что общество массового производства и потребления, общество предприятий и рынков движимо инструментальным разумом. В то же время в нем господствуют индивидуальные желания и коллективная память, мотивы жизни и смерти, мощным фактором является также поиск коллективной идентичности.

«Новый модерн» должен объединить разум и субъект. «Разорванный модерн» отвергал и подавлял одну из своих половин, превратившись в завоевательную и революционную модернизацию. Соответственно, такой модерн можно определить лишь как «связь и напряжение» между рационализацией и субъективацией. Отсутствие интеграции двух указанных принципов модерна не только задает характер модерна, но и ставит под вопрос «идею общества», разрушает идею общества, заменяет ее социальным изменением.

Субъект можно определить только через отношение – отношение одновременно и оппозиции, и дополнительности – с рационализацией. Лишь триумф инструментального действия, расколдовывающего мир, делает возможным появление субъекта. Субъект не может существовать в анимистском, магическом мире.

В то же время лишь через отношение к другому как к субъекту индивид перестает быть элементом функционирования социальной системы и становится творцом самого себя, а также становится

создателем общества. Те, кто потребляет общество вместо того, чтобы созидать и трансформировать его, подпадают под власть тех, кто направляет экономику, политику и информацию.

«Субъект существует только как социальное движение, как оспаривание логики порядка, принимает ли это утилитаристскую форму или является просто поиском социальной интеграции» (79, с.273). Рационализация ведет к усилению логики социальной интеграции. Суть истории модерна – это история перехода от борьбы субъекта против «священного порядка» к другой борьбе, а именно к борьбе против рационализаторских моделей. Эта борьба вдохновлялась стремлением защититься от мощи и напора модернизации, ориентированной на полное изменение общества и человека.

Буржуа потому и является центральной фигурой модерна, что предстает как агент одновременно и рационализации, и субъективации. Эту фигуру можно противопоставить фигуре капиталиста, поскольку здесь речь идет о человеке приватной жизни, человеке, наделенном совестью, человеке семьи и благочестия. Именно буржуазия, а не капитализм отстаивала собственность и права человека, превратив собственность в наиболее важное из этих прав. Буржуазия, борясь с абсолютной монархией, сформировала модерновый индивидуализм, который она связала с социальной борьбой против установленного порядка и его религиозными основаниями.

Возвращение к субъекту есть отчасти возвращение к буржуазному духу, а также к духу рабочего движения – и все это вопреки «духу тотальности», который на протяжении двух столетий от французской революции до русской революции господствовал в истории.

Однако неправильным будет подход, который отождествляет рационализацию с капитализмом, а субъективацию – с жизнью и действием рабочего класса, поскольку он оказывает сопротивление жесткой капиталистической модернизации.

Само функционирование современного общества, его исторические трансформации и его конкретное единство уже не имеют, как кажется, какого-либо смысла, не соотносятся с какими-либо ценностями, нормами, политическими проектами. Между сферой объективного и сферой субъективного образуются социальные пустоты.

«Исчерпание идеи общества означает, – пишет Турен, – прежде всего, новый этап модерна и секуляризации» (79, с.409). Раз-

личным новым способам социальной и культурной интеграции следует противопоставить идею субъекта, который порвал с законом социальной полезности и логикой социальных аппаратов. Субъект определяется отношением индивида к самому себе, а не соотношением с какой-либо сущностью или сообществом.

«Общество», как и сам разум, было «деистическим выражением» старого религиозного духа, новой формой союза между человеком и вселенной. Этот союз уже не может существовать, и данное обстоятельство заставляет нас войти в «полный модерн». Мораль уже не может быть связана с конформизмом, она должна призывать каждого брать на себя ответственность за свою жизнь, отстаивать свободу, далекую от индивидуализма, который в действительности открыт для различных форм социального детерминизма.

Прежняя модель общества уже не может дать ответ на реальные проблемы частной и коллективной жизни. Человек уже не гражданин общества, каким оно виделось просветителям. Он и не творение Божье. Он ответственен только перед самим собой.

Социальный субъект должен предстать как организатор своей среды, а среда уже не регулируется ценностями, нормами или даже конвенциями. Такой подход оживляет традицию критической социологии. Параллельно социология модернизации превращается в социологию действия, противопоставляющую ценности свободы и ответственности ценностям системы. Наконец, социология действия превратилась в социологию субъекта. Она всегда была такой, но сейчас освободилась от историцистских примесей.

Турен подчеркивает, что отстаивает модерн, поскольку утверждает, что социальная жизнь конструируется посредством битв и переговоров, организуемых вокруг воплощения различных культурных ориентаций, которые в своей совокупности можно назвать историчностью. Сегодня в постиндустриальном обществе, которое Турен называет «программируемым», борьба разворачивается не вокруг социального использования техники, это борьба вокруг производства и массового распространения социальных представлений, информации. Это означает заполнение пустоты, образовавшейся между экономикой и культурой.

Субъект полагает себя через противопоставление логике системы. Субъект и система не представляют собой раздельные универсумы, это «антагонистические социальные движения» социальных и

политических субъектов. Вообще общество — это «поле конфликтов, переговоров и посредничеств между рационализацией и субъективацией, представляющих собой две дополнительные и противоположные стороны модерна» (79, с.412).

Такое утверждение включает в себя критику и культурализма, и экономизма, отражающих по-своему распад идеи общества, но не способных объяснить совокупность социальных явлений. Люди сами творят свою историю, но делают это через конфликты и с опорой на культурные ориентации.

Социальные субъекты уже не определяются своим социальным положением, как это было в классовом обществе. Их следует понимать как «социальные движения». Один может говорить о стратегии, об адаптации к изменениям и требованиям рынка, а другой будет говорить о субъекте, о свободе, о желании индивида быть субъектом. Эти люди противостоят друг другу, но они едины в том, что устремлены к творческому движению и потому — к «гипермодерну». Общество, как на мировом уровне, так и на уровне каждой из индустриальных стран, являет противоположные тенденции — как к конструированию «новой системы исторического действия», так и к разрушению, проявляющемуся в дуализме экономики и культуры. Мы наблюдаем напряжение между экономистским и культуралистским видением. Первое возвращается к идее homo oeconomicus, а второе отвергает модерн и ищет прибежище в каком-то мифическом прошлом. В то же время в этих двух позициях следует видеть фрагменты нового этапа модерна.

Как считает Турен, в оценках и действиях следует исходить из того, что период двух последних столетий представляет собой «ограниченный модерн». Если модерн — это представление о том, что общество есть продукт нашей деятельности, то модерн до сих пор был таковым лишь отчасти. «Этот модерн не порвал до конца связь, которая привязывает общество к порядку мира. Он верил в историю, как другие до модерна верили в творенье Божье или в миф о создании общества. Наряду с этим модерн искал основание добра и зла в полезности или вредности действия для общества. Таким образом человечество, освобожденное от подчинения закону универсума или Бога, оставалось в подчинении у закона истории, разума или общества. Сеть соответствий между человеком и универсумом не была разрушена.

Такой полумодерн все еще мечтал создать некий естественный мир как рациональный мир» (79, с.421).

В конце XX в. модерн исчез, он сводится к некоему «ускоренному авангардизму», превращающемуся в дезориентированный постмодерн. Из такого кризиса рождается — наряду с играми постмодерна и ужасами тоталитарного мира — более полный модерн, в который мы входим.

Сегодня общество модерна оказывается перед следующим выбором. Оно может полностью подчиниться логике инструментального действия и требований рынка, довести секуляризацию до полного подавления всякого представления о Субъекте, ограничиться сочетанием инструментальной рациональности и массового потребления с памятью о традициях и с сексуальностью, освобожденной от социальных норм. Другой путь состоит в сочетании рационализации и субъективации, эффективности и свободы. Этот второй путь следует в равной мере отделять от крайнего утилитаризма и от навязчивого поиска идентичности. Разум не сводится ни к интересу, ни к рынку, а Субъект не сводится к общине, коллективному «мы».

Реализованный модерн имеет целью только счастье, ощущение индивидом того, что он есть субъект и способен к социальным действиям, направленным на возрастание его свободы и творчества. Это личное счастье неотделимо от желания счастья для других, от солидарности и поиска счастья. Модерн — это одновременно свобода и труд, общность и индивидуализм, порядок и движение, — заключает А. Турен.

* * *

В теоретических построениях А. Турена и Ю. Хабермаса концептуализация субъекта неотделима от общей теории модерна. Модерн предстает не как исчерпавшая себя или ушедшая в прошлое эпоха. Он продолжает свое историческое существование и, более того, должен, трансформировавшись, иметь будущее. Такое будущее должно предстать как реализация социального потенциала модерна.

Примечательно, что при своем не только социально-философском, но и по существу философско-историческом подходе оба мыслителя не предлагают какого-то конкретного видения этого будущего. Фактически в роли единственного ориентира желатель-

ной социальной трансформации предстает реализация идеи субъекта эпохи модерна.

При этом, однако, и в отношении такого субъекта нет конкретной полноты. Разумеется, это обстоятельство никоим образом нельзя воспринимать как недостаток. И Турен, и Хабермас, по-видимому, полагают, что любая конкретизация будет означать неправомерное сужение и даже обуздание того огромного социального и культурного потенциала, который может быть реализован современными западными обществами. А реализация такого потенциала будет, если исходить из «идеи модерна», означать, прежде всего, создание условий для неисчерпаемого многообразия видов и образов человеческой субъектности и субъективности.

В представленных концептуализациях модерна и субъекта эпохи модерна не используются тематизированным образом указанные во введении формы социальной субъектности. Вместе с тем у нас есть основания утверждать, что и содержательные моменты, и оценочные критерии, следующие из этих форм, используются *по существу*.

§ 3. ИНДИВИД В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотрение социальной субъектности индивида, прежде всего субъектности как сознательной социально-преобразующей деятельности, неизбежно предполагает анализ индивида как трудящегося. Труд – основная форма взаимодействия человека с природой, а также основной движущий фактор социального созидания и изменения. Труд – это и важнейший определитель социальных отношений людей. Труд – один из основных способов самореализации человека.

В соответствии с современными теоретическими представлениями то, что мы называем «трудом», является изобретением эпохи модерна, та форма, в которой мы его знаем, практикуем и помещаем в центр индивидуальной и социальной жизни, была изобретена вместе с индустриализмом. Труд, который лежит в основе существования общества, – это деятельность в общественной, граждан-

ской сфере, это признаваемый и вознаграждаемый другими труд. Именно через оплачиваемый труд индивид принадлежит общественной сфере, приобретает социальную идентичность, включается в сеть социальных отношений.

Традиция социально-теоретической мысли всегда увязывала социально-преобразующий потенциал труда с деятельностью человека как родового субъекта или как коллективных субъектов иного формата. Индивид рассматривался как участник трудового процесса и трудовых отношений.

При всем своеобразии современного социального состояния труд, трудовая активность в той или иной форме остается важнейшей сферой социальной жизнедеятельности индивида. Соответственно, рассмотрение сферы труда является необходимым средством диагностики реального положения индивида и позволяет взглянуть на ситуацию социальной субъектности современного индивида с точки зрения специфики современной эпохи.

В интересующей нас перспективе мы можем выделить несколько теоретических подходов к проблеме труда и трудовых отношений:

- традиционный анализ, сопряженный с критической установкой по отношению к существующему трудовому миру;
- концепции конца «трудового общества»;
- исследования феномена «новой безработицы»;
- исследования изменений в характере труда.

Концепция Андре Горца (60) может рассматриваться как репрезентативное воплощение целого ряда традиционных воззрений на труд. Труд предстает как главный социообразующий фактор, в общем и целом определяющий всю систему социальных отношений. Экономическая рациональность является доминирующей. Оценка положения индивида в системе трудовых отношений носит в общем негативный характер. Соответственно, индивид как автономный субъект может обрести себя либо при изменении социально-экономической природы труда, при принципиально иной социально-этической ориентации экономической деятельности, либо вне рамок существующих трудовых отношений, в сфере свободного времени в широком смысле.

А. Горц констатирует, что при сложной организации специализированных трудовых функций во все меньшей степени можно опи-

ратся на собственную мотивацию агентов. Рациональность их действий обеспечивается формальной кодификацией и регламентацией задач и отношений. Поведение рационально приспособлено к достижению цели независимо от всякого намерения агента, оно независимо даже от его знания этой цели. Такое поведение А. Горц называет «функциональным». Функциональность – это рациональность, которая привходит извне в поведение, определяемое и предписываемое человеку организацией. Это поведение есть функция, которую индивид должен выполнить, не задаваясь вопросом о ее цели.

Совокупность специализированных функций, извне определяемых организацией, образует «сферу гетерономии». В рамках этой сферы действия индивидов и коллективов определяются таким образом, чтобы они функционировали как винтики одной большой машины – будь это промышленная, бюрократическая или военная машина.

Необходимо различать два типа «гетерорегуляции», или «тотализации», как это еще называет Горц. Первый тип относится к тотализации действий через определенное материальное «поле». Это «поле» ведет к незапланированным и неизвестным заранее действиям. Второй тип – это действия, обусловленные организованной программой, нацеленной на то, чтобы индивиды, неспособные к коммуникации и к взаимопониманию, достигли результата, относительно которого они ничего не знают.

Первый тип гетерорегуляции соответствует регуляции через рынок. В связи с этим А. Горц возражает против распространенных представлений о том, что рынок означает авторегуляцию. В действительности речь идет о механизме, извне навязывающем индивидам свои законы, которым они вынуждены подчиняться. В то же время экономическая рациональность во все большей степени опирается на программируемую гетерорегуляцию. Управление при таком типе программирования использует два основных вида регулятивных механизмов: побудительные регуляторы (деньги, престиж, власть) и прескриптивные регуляторы (различные санкции).

Распадения крупных организаций, связанных с программируемой гетерорегуляцией, приводит ко все углубляющемуся расколу в социальной системе. С одной стороны, масса населения функционирует без какой-либо связи с целями своих организаций. С

другой стороны – небольшая элита организаторов определяет цели организации, принципы их функционирования, структуру управления и регулятивные механизмы.

Такому расколу между саморегулирующейся сферой гражданского общества и программируемой промышленно-государственной мегамашиной соответствуют два вида рациональности. С одной стороны, это рациональность индивидов, которая является иррациональной по отношению к целям организаций, а с другой – это рациональность организаций, не имеющая отношения к целям индивидов. Система вступила в кризис, связанный с трудностями управления, поскольку не может задать смысл, указать общую цель для индивидов.

Не может быть добровольного, самоопределяющегося сотрудничества, если мегамашина хочет функционировать предвидимым и исчисляемым образом. Ее функционирование и экономическая рациональность требуют устранения «человеческого фактора», замены живого труда и свободного рабочего программируемым трудом и рабочим.

Функциональная интеграция трудящихся возможна только при двух условиях: 1) социальное богатство достаточно для того, чтобы предложить трудящимся материальные компенсации; 2) трудящиеся согласны рассматривать свой труд как средство получения этих компенсаций.

Суть современной ситуации в сфере трудовых отношений состоит в том, что сохранение и дальнейшее развитие функционального труда требует развития компенсаторного потребления. Это напряжение, по мнению А. Горца, может быть разрешено только через вмешательство государства. Возникают новые потребности, которые могут быть удовлетворены только через механизмы государственной политики. Это означает возрастание зависимости от государства и возрастание его мощи. При этом наблюдается распад солидаристских связей, углубляется расхождение между социальной и общественной жизнью, между индивидуальными интересами, тематизируемыми «асоциальной социализацией» с ее консумистско-приватной направленностью, и общим интересом.

Отделение трудящегося от производимого продукта и от средств производства сохранится, даже если будет устранена частная собственность на средства производства и вместе с ней будет

устранено господство прибыли. Горц указывает две тесно связанные причины подобного отчуждения. Первая причина заключается в том, что промышленные средства производства функционируют как фиксированный капитал, какими бы ни были экономический режим и режим собственности. «Мертвый труд», «застывший дух» помещаются между трудящимся и его продуктом и препятствуют тому, чтобы труд переживался как живое творчество, как суверенное человеческое воздействие на материю. Процесс научно-промышленного господства человека над природой ведет к господству над человеком.

Другая причина состоит в «макросоциальном разделении труда». Ее не следует смешивать с тэйлорианским дроблением задач в рамках отдельного предприятия. Особое значение имеет здесь бесконечная специализация знания. Эта специализация препятствует тому, чтобы даже индивиды, образующие «коллективного трудящегося производителя» того или иного продукта, могли стать в полном смысле слова субъектами производства этого продукта, овладели всеми техническими и социальными условиями данного производства. Трудящиеся могут завоевывать права на самоуправление и на рабочий контроль, но эти права, завоеванные на том или ином конкретном предприятии, не дадут им возможности овладеть своей судьбой и смыслом своего труда.

Встает вопрос о том, какие виды деятельности могут заменить экономическую рациональность, не утрачивая при этом смысла, и для каких видов деятельности экономическая рациональность будет означать искажение или утрату заключенного в них смысла.

Экономическая рациональность связана с теми видами деятельности, которые: а) создают потребительные стоимости; б) принимаются в целях рыночного обмена; в) протекают в публичной сфере; г) осуществляются в рамках измеряемого времени и с наибольшей возможной эффективностью. Вопреки распространенному мнению то, что какая-либо деятельность предпринимается в целях рыночного обмена, еще недостаточно для того, чтобы считать ее трудом в экономическом смысле. Этот момент очень важен для определения экономической сферы. Те виды деятельности, которые не соответствуют тому или иному из указанных выше критериев, делятся на две большие группы. А. Виды рыночной деятель-

ности, осуществляемые с целью получить плату за них. Б. Виды нерыночной деятельности, т.е. те виды деятельности, получение платы за которые не является или даже не может быть первичной целью. Даже первые не являются «трудом» в том же смысле, в каком являются трудом виды деятельности в рамках экономической сферы. Таких видов деятельности довольно много в настоящее время. «Труд и трудовое общество пребывают в кризисе не потому, что нечего делать, а потому, что труд в строгом смысле стал редкостью, а то, что требуется делать, делается все меньшим количеством такого труда» (60, с. 190).

Виды деятельности, связанные с частной сферой, и автономные виды деятельности, т.е. те, которые являются самоцелью, по самой своей сущности сопротивляются экономизации. Используя терминологию Ю. Хабермаса, Горц говорит, что критерии экономической рациональности неприменимы к видам деятельности, которые можно в совокупности обозначить как «символическое воспроизводство жизненного мира» или «коммуникативный разум».

Маркс, например, в свое время полагал, что полное развитие способностей индивида идет рука об руку с полным развитием производительных сил и необходимо приведет к революции (в философском смысле) одновременно в двух планах. 1. Индивиды, в полной мере развившись в рамках трудовой деятельности, станут хозяевами труда. Другими словами, свобода, которую им дало историческое развитие, осуществится посредством рефлексивной революции, т.е. посредством возврата субъекта к самому себе. 2. Эта рефлексивная революция является у Маркса одной из сторон диалектики истории, в то время как другой стороной является необходимая экономическая революция.

Однако, как подчеркивает А. Горц, развитие производительных сил само по себе не приводит ни к освобождению, ни к появлению социального и исторического субъекта такого освобождения.

«Состояние постмарксистского человека», смысл которого связан со смыслом исторического развития, должно сохраняться, но к достижению его следует стремиться независимо от того, существует ли класс, способный реализовать этот смысл. Другими словами, по мнению А. Горца, единственные не-экономические, постэкономические цели, могущие задать смысл экономике труда и времени, — это цели, которые индивиды должны реализовывать в самих себе.

Требуется проект общества, который выходит за ограниченность отдельных интересов посредством нового видения направления развития, требуется утопия, способная указать смысл Третьей промышленной революции. Этот проект должен носить характер новой социалистической утопии, зовущей к обществу «свободного времени». «Освобождение индивидов, их свободное развитие, переустройство общества произойдут через освобождение от труда» (60, с. 130), — такова позиция А. Горца.

Социализм — это подчинение экономической рациональности социальным целям, т.е. целям, которые каждый может реализовать лишь вместе с другими. Эти цели не могут быть экономическими в условиях значительно развитых и дифференцированных производительных сил. Это могут быть лишь политические и этические цели, определяющие место экономической деятельности в жизни общества и бесконечно расширяющие те социальные пространства, в которых будет разворачиваться автономная, индивидуальная и коллективная деятельность.

Несовпадение индивида-субъекта с навязываемой ему обществом «идентичностью» является источником и индивидуальной автономии, и всякого культурного творчества.

Происшедшее в 70–80-е годы XX столетия в социальной философии и социологии осознание того факта, что общества претерпевают фундаментальную историческую трансформацию, цивилизационный сдвиг, который порождает совершенно новую по своей природе социальную реальность, было обусловлено прежде всего тем, что «трудовая природа» социальной реальности с очевидностью начала трансформироваться и уходить в прошлое, а на смену ей стала приходить «информационная природа» социальной реальности.

В публикациях Н.Л. Поляковой (25, 26) предложена общая аналитическая реконструкция проблемной ситуации и порожденного этими процессами обширного массива социально-философской и социологической литературы, на которую мы считаем возможным опереться.

Современные общества демонстрируют изменения, которые дают право на утверждение о том, что роль труда в современных обществах изменилась самым серьезным образом. Речь, конечно же, идет не о конце труда в буквальном смысле слова, речь идет о

том, что сфера производственной деятельности перестала играть ту определяющую роль, которую она играла ранее. Соответственно, тема труда как такового не является более центральной, она не имеет уже того социологического и культурного значения, которое поляризует и определяет все другие темы.

Экономический прогресс последних десятилетий резко поднял уровень жизни и качественно изменил жизненный стандарт. Это привело к возрастанию автономности личности и значения далеких от труда измерений жизни. Во все большей степени признается, что люди нуждаются в отдыхе и образовании не только для профессиональной деятельности, но и для того, чтобы они могли соответствовать требованиям жизни за пределами сферы труда.

Изменение роли труда, сферы трудовых отношений позволяет говорить о том, что современные общества существенным образом отличаются от предшествующих типов общества.

Все предшествующие типы обществ были объединены в социологии под общим названием «трудовое общество» — понятие, введенное в немецкой социально-научной литературе такими исследователями, как Г. Дарендорф, К. Оффе. «Трудовое общество» — это такой порядок, при котором все прочие измерения жизни более или менее непосредственно соотносятся с производительной деятельностью.

Трудовое общество — это общество, в рамках которого производительный труд является одновременно источником жизнеобеспечения, прочной основой для наделения социальными правами, социальным статусом, а также основой самооценки и условием самоуважения. Индустриальные общества, сделавшие ставку на экономический рост, породили соответствующие образцы социальной практики, социальных ролей, институты, ценности.

Трудовое общество в общем и целом совпадает с промышленным обществом, т.е. обществом, основывающимся на примате производственной сферы. Поэтому конец трудового общества означает, что труд и позиция работающих в процессе производства не рассматриваются более как главный организующий принцип социальных структур; динамика социального развития не рассматривается как возникающая из конфликтов по поводу контроля промышленного производства; оптимизация технико-организационных отношений или экономических средств и целей посредством индустриальной капиталистической рациональности не рас-

сматривается более как форма рациональности, которая приведет к дальнейшему социальному развитию.

Следует отметить то важнейшее обстоятельство, что основной конфликт современного общества – это не конфликт по поводу собственности и власти в сфере производства, это конфликт индивида и общества в целом, и формулируется он в терминах организационного, социально-правового, потребительского и ценностного конфликта – таково мнение, например, А. Турена, Ф. Ферраротти и др.

Это не означает, что современные общества движутся к индустриальному миру. Это только означает, что современные индустриальные конфликты не соотносятся и не атакуют социальную власть. Профсоюзное движение также далеко от того, чтобы быть революционной силой или социальным движением, активно вовлеченным в борьбу за власть. Природа социального неравенства, отказ государства или менеджмента идти на уступки – все это делает важным и необходимым рабочее движение, однако не является достаточным для того, чтобы мы считали рабочее движение центральной силой в новых социальных движениях.

Социальное доминирование в современном мире носит глобальный и нерасчлененный характер. Экономическая, социальная, культурная и другие сферы настолько взаимопереплетены, что глубоко экономическое понятие эксплуатации представляется неадекватным в современной ситуации. Экономическую эксплуатацию все труднее вычленишь и изолировать от других форм доминирования. По мнению большинства исследователей, ситуация скорее передается термином «отчуждение», чем «эксплуатация». Общество демонстрирует совершенно новые социальные конфликты. Эти новые конфликты уже не являются просто конфликтами между трудом и капиталом, это конфликты между структурами экономического и политического принятия решения, с одной стороны, и теми, кто принужден к зависимому участию, – с другой. Это конфликт между центральными и периферийными сегментами общества. Современное общество является обществом отчуждения не потому, что оно повергает человека в нищету или навязывает политические ограничения, а потому, что оно подкупает, манипулирует и навязывает конформизм.

В плане интересующей нас тематики особое значение имеют изменения в отношении к труду, к трудовой деятельности в широком смысле слова, изменения в трудовой этике. Эти изменения, начавшиеся в последней трети XX в., приняли настолько драматический характер, что исследователи заговорили о кризисе трудовой этики, который выразился в том, что работа перестала играть центральную роль в жизни людей, – явлении, которое имеет противоречивый характер и очень много аспектов.

Среди причин, приведших к кризису трудовой этики, называется эрозия религиозных традиций, ориентировавших человека на труд как моральный и религиозный долг; неимоверно выросший под влиянием ценностей массового общества гедонизм, в том числе потребительский; кризис сферы производства, связанный с тем, что техническая и организационная рационализация труда привела к фактической элиминации человеческого фактора; громадный рост безработицы; оформление системы социального обеспечения, влияющей, по мнению ряда исследователей, развращающим образом на трудовую мораль.

В то же время исследователи фиксируют и другое – появление «новой трудовой этики», ориентирующей человека на «постматериалистические ценности», на творчество, на неотчужденный труд, а не просто на доход, получаемый за труд. Так или иначе, это находит отражение в сознании и ориентациях каждого. Однако индивидуальное поведение и индивидуальная система предпочтений обуславливается не только «новой этикой», но и целым рядом других социальных и экономических факторов. Признание ценности труда как сферы жизни само по себе не определяет реальную установку человека на конкретный труд, конкретное рабочее место и не указывает на то, рассматривает ли он работу как самоцель, видит ли в ней средство заработать на хлеб или средство социального продвижения. Ответ на эти вопросы могут дать только исследования труда в связи с другими жизненными ценностями.

Как бы то ни было, мы вправе утверждать, что очевидно обозначилось напряжение между трудом как сферой социальной жизни и трудом как личностной, экзистенциальной сферой, между сферой труда и новыми «постматериалистическими» ценностными ориентациями на труд, которые зримо перевешивают при выборе стратегии поведения.

Еще один узел напряжений, которые можно зафиксировать в трудовой сфере, обусловлен процессами информатизации труда и общества в целом. Речь идет о новых требованиях и вызовах, которые информационные технологии предъявляют участникам трудового процесса. В этом контексте оформляется активно-инновативный субъект — член информационного общества, призванный заменить собой стандартизированного субъекта эпохи машинной технологии.

Информация является основным экономическим, социальным и культурным ресурсом современного типа общества. Социальная и экономическая роль информационных технологий обусловлена тем обстоятельством, что они, являясь совершенно новым ресурсом, задают две главные, фундаментальные черты информационного общества: 1) высокий уровень инновативности, высокую скорость происходящих в обществе изменений; 2) демассификацию и дестандартизацию всех сторон экономической и социальной жизни.

Если в индустриальную эпоху технология оказывала давление в плане стандартизации не только продуктов производства, но и труда, и квалификации, и психологии, и идентичности, и стиля жизни, то современные информационные технологии оказывают противоположное воздействие. В то время как машины индустриальной эпохи стандартизируют, информационная технология де-стандартизирует. Массовое стандартизированное производство заменяется новой системой информатизированного производства. Конечным продуктом такого производства являются не миллионы идентичных стандартизированных товаров, а индивидуализированные продукты потребления и услуги. Наилучшим способом организации такого производства и труда становится «адхократия» (*ad hoc — lat.*) — временная, ситуативная организация, направленная на решение какой-то конкретной задачи, реализацию конкретного проекта, в котором каждый организационный компонент является свободным модулем и взаимодействует с другими компонентами организации не только по вертикали, но и по горизонтали. Решения, принимаемые адхократией, так же как товары и услуги, дестандартизированы. Работа для большинства людей становится вариативной, дестандартизированной, не повторяющейся и ответственной, требующей от индивида способности к свободе действий, принятию самостоятельного решения, оценке и суждению, постоянной готовности сменить сферу занятости, профессию.

Вместе с тем новое качество труда порождает и психологическое напряжение, стресс, страх оказаться безработным в силу того, что ты «устарел», «отстал», «не успел». К этому следует добавить, что высокая скорость изменений, высокий уровень инновативности, непредсказуемости, нестандартизированности социального контекста не позволяют индивиду выработать устойчивую ориентацию в мире, затрудняют управление своей карьерой, своей трудовой жизнью. Одновременно с этим идет процесс сведения труда к минимуму: информационные общества благодаря новым технологиям производят все больше богатства с помощью все меньшего количества труда. Растет количество «потенциально безработных».

Речь идет о «новой безработице» — явлении, которое сформировалось в начале 80-х годов и продолжает существовать устойчивым образом. Беспрецедентный рост безработицы в начале 80-х годов породил множество экономических, социальных и культурных проблем, а также заставил по-новому взглянуть на современный ее характер и обуславливающие причины. Наибольшее внимание здесь привлекает уже довольно устоявшееся в социологии мнение о том, что современная безработица стала системной и что современные безработные не являются какой-то случайной группой.

Главным в природе «новой» безработицы является то, что изменяется не просто структура занятости, изменяется профессиональная структура современного производства. Труд не просто вытесняется, а рабочие места сокращаются — они исчезают, сходят с исторической сцены как тип труда, как вид профессии. Современные исследователи считают, что подобная участь ожидает большинство современных рабочих профессий. В ближайшем будущем следует ожидать появления совершенно новых профессий, возникших в новых типах производства, непригодных для рутинизации и тейлоризации.

Вытеснение труда из производственной сферы носит закономерный и систематический характер. Оно обусловлено процессом структурной перестройки экономики, компьютеризацией и информатизацией производства. В разряд безработных попадают в первую очередь те, кто в наименьшей степени может себя защитить. Это и молодежь, и иностранные рабочие, и многие женщины. Особое значение имеет то обстоятельство, что к категории безработных в некоторых странах относятся многие представители академических про-

фессий. Новые безработные не являются потенциальной причиной революции, однако образуют резервную армию протеста, источник недовольства, несут известную угрозу социальной стабильности. Современный рынок труда демонстрирует парадоксальное свойство: готовность переучиваться и менять профессию проявляют преимущественно те наемные рабочие, положение которых на рабочем месте и рынке труда стабильно; те же, над кем в наибольшей степени нависла опасность безработицы, сопротивляются этому.

Каждая новая волна структурной безработицы сопровождается ростом масштабов социальной патологии, особенно в среде молодежи. Формой этой патологии бывает разрушительный бунт, зерна которого присутствуют в обществе постоянно. Все это сопровождается наркоманией, алкоголизмом, разрушением семьи. Безработица ведет к массовым аномийным процессам. Сейчас невозможно подсчитать те отрицательные последствия, которые принес населению, и особенно молодежи, страх безработицы, который нельзя свести только к боязни остаться без средств к существованию. Многие безработные сравнивают себя с прокаженными, они приведены в состояние психологического расстройства. Растет число самоубийств среди безработных. Все это говорит о том, что нельзя утверждать, будто труд окончательно перестал быть социальной ценностью. Ожесточение, с которым большая часть молодежи готовится к своей будущей профессии, свидетельствует об обратном.

Таким образом, производительный труд стал проблемой для современных обществ. Общество без работы стало обществом, порождающим конфликты, разрывы и непредвиденные изменения, в котором функционирование, роли, социальное и культурное качество индивида оказывается чрезвычайно усложненным и определяемым противоречащими друг другу тенденциями социального развития.

Человечество вступает в новую эпоху всемирной истории. Современные компьютерные и коммуникационные технологии с их все усиливающимся воздействием на характер труда и на экономику в целом обуславливают наступление Третьей промышленной революции.

Важнейший момент этой революции заключается в том, что машины все активнее замещают людей во всех секторах и отраслях глобальной экономики. Глобальная безработица достигла своего

самого высокого уровня с эпохи депрессии 1930-х годов. «Наступила информационная эпоха. В грядущие годы новые, более совершенные технологии будут во все большей мере приближать цивилизацию к такому состоянию, когда почти исчезнут работающие. В сельскохозяйственном, промышленном и сервисном секторах машины стремительно замещают человеческий труд и сулят появление к середине двадцать первого столетия экономики с практически автоматизированным производством, — пишет Джереми Рифкин. — Полное замещение работающих машинами заставит все страны пересмотреть свои представления о роли людей в социальном процессе. Переосмысление возможностей и обязанностей миллионов людей в обществе, в котором отсутствует формальная массовая занятость, вполне может стать самой насущной социальной задачей столетия» (69, с. XV).

Впервые в истории человеческий труд устойчиво вытесняется из производственного процесса. Меньше чем через столетие практически во всех промышленно развитых странах «массовый» труд окажется упраздненным. Уже сейчас разумные машины начинают замещать людей при выполнении бесчисленных задач, принуждая миллионы занимать места в списках безработных. Ряды безработных и частично занятых постоянно растут в Северной Америке, Европе и в Японии. И в развивающихся странах растет технологическая безработица — главным образом вследствие применения высоких технологий транснациональными корпорациями. Во всем мире ощущаются грандиозные перемены, перемены столь масштабные, что мы вряд ли в состоянии постичь их воздействие во всем объеме.

Те немногие выгодные рабочие места, которые появляются в высокотехнологичной экономике, относятся к сектору, где производится знание. Это значит, что наивными являются надежды, которые в 80-е годы демонстрировал, к примеру, О. Тоффлер (75, 76), на масштабные программы переобучения, поскольку нельзя переобучить массы трудящихся таким образом, чтобы они стали физиками, молекулярными биологами, специалистами в сфере высоких технологий и т.п.

Революция высоких технологий в полной мере затронула и сельское хозяйство. Глубинная технологическая революция изменяет природу современного сельского хозяйства, а это ставит серьезные вопросы в связи с будущим фермерского труда во всем мире.

В настоящее время почти половина населения планеты по-прежнему обрабатывает землю. Существование почти двух с половиной миллиардов людей связано так или иначе с обработкой земли. А технологические изменения в производстве продовольствия, вкупе с результатами, получаемыми биологическими науками, ведут к тому, что в мире не будет фермеров.

У технологической революции есть еще одна сторона. Эта революция позволяет значительно расширить возможности контроля со стороны менеджеров над процессом производства. Кроме того, введение компьютеризированной технологии резко увеличивает темп и текучесть деятельности на рабочем месте, принуждая работающих приспосабливаться к крайне быстрым ритмам. Базирующиеся на компьютерах технологии настолько увеличили объем, потоки, скорость протекания информации, что это вызывает у миллионов людей чувство «перегруженности» и «выжженности». Физическая усталость, порождавшаяся темпом прежней индустриальной экономики, заменяется ментальной усталостью, порождаемой молниеносным темпом новой информационной экономики. Сверхэффективная высокотехнологичная экономика подрывает ментальное и физическое здоровье работников во всем мире. Только в США ущерб, причиняемый стрессами на рабочем месте и связанными со стрессами абсентеизмом, расходами на лечение и т.п., исчисляется сотнями миллиардов долларов.

Очевидны проблемы тех, кто потерял работу и уже не надеется вновь найти ее. В Соединенных Штатах, где социальная самооценка и наличие работы находятся в особенно тесной связи, эти проблемы приобрели такую остроту, что нередко приводят к убийствам безработными своих прежних работодателей.

Дестабилизирующие последствия Третьей промышленной революции ощущаются в настоящее время не только в США, но и во всем мире. Новые производственные и управленческие технологии вытесняют работающих, расширяют резервную армию безработных, углубляют раскол между богатыми и бедными, ведут к новым и опасным стрессовым ситуациям.

Рассмотрение ситуации в различных частях света позволяет Дж. Рифкину сделать следующий вывод общего характера: «Мы стремительно приближаемся к важнейшему рубежу в человеческой

истории. Глобальные корпорации сейчас в состоянии производить беспрецедентное количество товаров и услуг при использовании все меньшей рабочей силы. Новые технологии означают наступление эры производства, в котором почти нет работающих, причем происходит это именно в тот момент в истории, когда население растет небывалыми темпами. Расхождение между ростом населения с его требованиями и сокращением возможности получить работу будет долго определять геополитику в условиях возникающей высокотехнологичной глобальной экономики» (69, с.207).

Итак, человечество должно готовиться к будущему, в котором большая часть трудовых процессов отойдет от людей к машинам. Политические институты, общественные договоры и экономические отношения базируются на том, что люди продолжают продавать свой труд как товар на рынке. В ситуации, когда товарная ценность труда становится все менее значимой в процессе производства и распространения товаров и услуг, необходимо находить и внедрять новые подходы с тем, чтобы обеспечить людей доходами и гарантировать покупательную способность, найти применение энергии и талантам грядущих поколений.

Совершается, как считает Дж. Рифкин, переход к «пострыночной эпохе» XXI столетия. Для того чтобы этот переход произошел успешным образом, необходимо придерживаться ряда ориентиров. Они следующие.

1. Плоды возрастающих производственных возможностей, которые являются результатом нового технологического потенциала, должны стать достоянием и миллионов трудящихся. Это может быть достигнуто посредством уменьшения рабочего времени, а также постоянного роста платы за труд. Какое будущее нас ожидает, в значительной мере зависит от того, как будут распределяться блага, получаемые в результате роста производительности труда. Справедливое распределение потребует сокращения трудовой недели во всех странах, а также согласованных усилий со стороны правительств по обеспечению альтернативной занятости в «третьем секторе» — «социальной экономике». Если же все блага технологической революции станут исключительным достоянием держателей акций, высших менеджеров и возникающей элиты носителей знания о высоких технологиях, то неизбежны социальные и политические потрясения во всем мире.

2. Сокращение массовой занятости в рыночной экономике, а также сокращение расходов на социальный сектор потребует сосредоточения внимания на нерыночной экономике как третьем секторе наряду с производственным сектором, базирующимся на рыночных принципах, и социальным сектором в широком смысле. Именно к третьему сектору – социальной экономике – будут обращаться люди в надежде обрести удовлетворение своих социальных и индивидуальных потребностей.

В ближайшем столетии рыночный и социальный секторы будут играть все меньшую роль в повседневной жизни людей. Освобождающееся время, образующийся вакуум будет заполняться или криминальной субкультурой, или возрастающим участием в жизни третьего сектора.

В грядущие десятилетия те, кто имеет работу, но с сокращенным рабочим днем, будут уделять все больше внимания досуговому развлечению и потреблению. В то же время все возрастающее число безработных или частично занятых людей будут неизбежно опускаться в низший класс. Многие из этих людей будут искать выхода в «неформальной экономике».

3. При наличии большего времени у имеющих работу и полном наличии времени у безработных появляется возможность использовать невостребованный труд миллионов людей в конструктивных целях за пределами частного и социального секторов. Таланты и энергию этих людей можно направить на воссоздание локальных сообществ и на создание «третьей силы», независимой от рынка и социальной сферы.

Третий сектор, известный также как «независимый», или «добровольный», – это сфера, в которой доверительные отношения порождают общинные связи, в которой отдача собственного времени другим людям заменяет искусственные рыночные связи, базирующиеся на продаже себя и своих услуг.

Анализ новейших социологических теорий показывает изменение соотносительного значения сферы труда в сопоставлении с другими сферами социальной жизни, происшедшее в последнюю треть XX в. Эти теории фактически отказываются от классической трудовой парадигмы, если под ней понимать представление о том, что труд является наиболее фундаментальным социообразующим

фактором и должен служить главным средством социологического анализа общества. В настоящее время правомерно, как представляется, говорить о тонком и сложном равновесии всех сфер социальной жизни, которое проявляется в сложнейшем многообразии взаимоотношений между сферами, что исключает возможность приоритетности какой-либо сферы.

Это не означает «конца труда» как деятельности. Труд как деятельность приобретает все новые и новые формы благодаря постоянным технологическим новациям, он продолжает оставаться важнейшей антропологической характеристикой, фактором функционирования общества. Говорить о «конце труда» можно только в том случае, если под трудом понимать, как это было в прежних социологических теориях, сферу промышленного производства в качестве фактора, определяющего всю жизнь общества.

* * *

В контексте нашей проблематики имеет смысл обратиться к некоторым вопросам философии техники. Современные социальные отношения во всех своих измерениях и во все большей мере изменяются вследствие воздействия «нечеловеческих объектов» – машин, технологий, текстов, образов, физической среды и т.п. В то же время человеческие возможности во все большей степени определяются сложными взаимосвязями людей с материальными объектами. Это означает, с точки зрения анализа, что человеческий и физический миры нельзя рассматривать отдельно, например как общество и как природу. Речь должна идти о «гибридах» человека и «нечеловеческих объектов». Общества конституируются как субъектами, так и объектами.

И позитивное, и негативное отношение к «проекту модерна» во многом определяется соответствующей оценкой роли техники, определяется исходя из отношения к сфере труда и техники. Так, негативные установки проистекают из «критики техники».

В особенной мере это проявляется по отношению к субъекту эпохи модерна. Кроме того, с определенной оценкой роли техники связаны и многие важные компоненты тезиса о «конце истории» и восприятия современной эпохи как «постистории». Разумеется, техника – это ключевой момент и такой важной для нашей темы

сферы, как сфера труда и трудовых отношений. Вместе с тем значение техники для нашей темы не ограничивается только рамками этой сферы, поскольку в современном обществе техника нерасторжимо связана так или иначе со всякой публичной деятельностью и досуговой активностью.

Говоря о технике, мы не собираемся описывать заново всеохватную и всепроникающую технизированность и технологизированность существования и функционирования человека в информационном обществе. Мы ограничимся указанием на те позиции, которые рассматривают связь между человеком и техникой в позитивном ключе. Такое позитивное отношение противопоставляется, по существу, давней традиции «критики культуры», опиравшейся во многом на теоретический постулат о том, что техника и следующие из нее технологические императивы препятствуют свободному индивидуально-личностному и культурному самовыражению человека.

Такую задачу, к примеру, Франко Ферраротти вслед за представителями Франкфуртской школы решает главным образом через критику технократизма. Ф. Ферраротти (52, 53) концептуализирует модерн преимущественно в терминах процесса технической и организационной рационализации. В настоящее время рационалистический проект модерна демонстрирует свою историческую исчерпанность, с одной стороны, и открытость и недетерминированность будущего – с другой.

Исчерпанность модерна обусловлена исчерпанностью его главной идеологии – технократизма, который в настоящее время становится еще и главным фактором риска. Опирающаяся на классический европейский рационализм технократическая идеология представляет себя в качестве рациональной систематической теории. Претендуя на самоочевидность и самообоснованность, она отказывается от какого-либо исторического или демократического обновления и порождает весьма опасную версию будущего развития.

Согласно технократам, машины решают все проблемы. Задача состоит в том, чтобы создавать все более и более совершенные стандартизированные и специализированные машины, выпускающие все больше продукции, и делать все быстрее. Очевидно, что технология увеличивает продукцию и убыстряет развитие, но она

не является инструментом для решения соответствующих проблем социального развития. Она может предложить средства, но не может выработать цели. Она может многое, но то, на решение каких проблем ее направить, является делом социальных политиков. Технократы не принимают в расчет эту двойственность современных проблем. Кроме того, в современной культуре существует и другая, восходящая к греческой дихотомии практики и теории, альтернативная технократической идеологии «целостного человека», будто бы избежавшего разрушительного воздействия технологии и спасшего свое человеческое измерение. Эта идеология столь же бессмысленна для общества (в качестве основы социальной политики), претендующего на жизнь в бездефицитной экономике, массовое потребление и высокое качество жизни.

Проблемы сегодняшнего дня предполагают совершенно новый способ экономического, социального и культурного развития. Прогресс производительной техники вкупе с перестройкой социальных отношений, направленной на усиление единства и солидарности и осуществляемой посредством изменения отношений между властью и соответствующими политическими институтами, открывает историческую возможность гармонического воссоединения человеческих способностей. Между «человеком-машиной» и «целостным человеком» должна существовать иная, конкретная возможность исторического развития, далекая от того, чтобы формулировать себя как альтернативу человеческого или машинного мира. «*Tertium datur* (третье дано), – заключает Ферраротти, – и результат здесь не может не зависеть от выбора социальных классов и различных социальных групп, сделанного помимо технологического эвдемонизма или антимашинных сетований» (53, с. 75).

История не обладает автономными, организующими ее силами. Прогресс и цивилизация осуществляются не автоматически, а являются человеческим предприятием, которое открыто для отступления, не имеет гарантий от повторений неудач, страха и неопределенности. Историческая ситуация является открытой, и все зависит от выбора, который сделает человечество.

Столь же определенной позиции в отношении техники придерживается и Иоганн Робек (73). Он утверждает, что необходимо эксплицировать культурные измерения технического действия. Орудия, машины и системы не только выполняют технические

функции, но и открывают новые горизонты для определенного опыта пространства и времени, для познания мира и самопознания, а также для представлений о целях и ценностях. Подобная экспликация позволяет увидеть и историческое значение современной техники.

Одним из общих мест критики в адрес научно-технической цивилизации является мнение о том, что она вытесняет или даже разрушает старые культуры. А старые культуры могут предложить людям старые смысловые ориентации и ценности в порядке компенсации за «утрату смысла» в современной цивилизации.

Подобные рассуждения оправданны, только если считать, что техническая цивилизация не создает собственной культуры, что она аисторична. Вопреки таким воззрениям необходимо прояснить «культурное измерение» техники, выявить исторические потенции техники. Техника не только разрушает смыслы, но и открывает новые смысловые горизонты.

За критикой современной цивилизации и рассуждениями о «постижении» стоит убеждение в том, что техника по своей сути состоит лишь из средств и потому в принципе исключает значимое социальное целеполагание. Усилия людей могут быть направлены только на оптимизацию технических средств и процессов, а цели и смысл постоянного совершенствования техники не могут становиться предметом рефлексии. Соответственно, техническая цивилизация не в состоянии порождать новые цели и исторические и культурные смыслы. Одним словом, техника и ее использование редуцируются к «инструментальному действию».

Однако техника — это не просто арсенал средств. Обхождение человека с орудиями, машинами и техническими системами представляет собой «техническое действие» как создание и использование артефактов, связанное с отношением между целями и средствами. А средства вообще непредставимы без целей, без целеполагания. В определении же целей участвуют те или иные целевые представления и ценностные представления. И новейшая философия техники не разделяет мнения о целевой и ценностной нейтральности техники.

Следует, соответственно, вести речь о *культурном измерении технического действия*. Техническое действие не только производит артефакты, но и порождает определенные *значения*, которые

находят воплощения в произведенных продуктах. По меньшей мере продукт указывает на то, как он должен использоваться. В дополнение к этому само функциональное использование артефакта требует его символической характеристики.

Кроме того, технические средства могут использоваться и в таких контекстах действия, которые не предусматривались создателями этих средств. А это означает, с одной стороны, оформление новых возможностей действия, а с другой — открытие новых потенций самой техники, так же неизвестных создателям техники.

Все сказанное позволяет Робеку сделать вывод о том, что средства техники содержат и обнаруживают в процессе своего использования больше возможностей, чем предполагалось при их проектировании и создании. При этом обнаруживающиеся возможности могут и отличаться от тех, что первоначально предусматривались. Данное обстоятельство можно охарактеризовать как «символическую насыщенность» техники. «Излишек потенциала», присущий технике и ее возможностям, не ограничивается, не реализуется только в сфере техники, он открывает новые горизонты для культуры. Существуют «культурные излишки», которые переносятся из техники в нетехнические сферы.

Культурные последствия техники следует рассматривать как результат процессов переноса техники в нетехнические сферы. Как правило, переносится определенная технически обусловленная возможность действия, которая в психике индивида или в структуре какой-то организации трансформируется в цель будущих действий. То, что дано во внешнем мире техники, становится у носителей действия внутренним целевым определением. Можно говорить о «достижении, получаемом вследствие переноса». Благодаря этому некоторые технические средства способны приводить к специфическим культурным действиям и результатам. Определенные виды техники сами приобретают таким образом культурное измерение.

Технические средства способны открывать горизонты для коллективных ценностных представлений, поскольку ценности можно понимать как обобщенные цели, принимаемые той или иной социальной группой, а техника в состоянии, как мы видели, приводить к оформлению новых целей. Ценности, даже моральные убеждения вступают во взаимоотношение с технически опосредованной жизненной практикой. Ярким примером может служить

процесс использования автомобиля со всеми теми изменениями в практике отношения к пространству и времени, путешествия, потребления культуры и т.п. Другой пример, не менее поучительный, дают многообразнейшие социальные возможности, связанные с техникой коммуникаций, а также культурно-ценностный потенциал использования техники коммуникации.

Возможности техники, в том числе культурные, обуславливают и изменения в социальных и культурных ожиданиях людей. В XX столетии резко ускорился ритм изменения опыта и ожиданий. Даже если сегодня и поблекла вера в прогресс, сохраняется позитивная оценка социального изменения, поскольку с изменениями связывается надежда на улучшение социальной ситуации.

Мы можем следующим образом резюмировать воззрения И. Робека. Рассмотрение деятельностного, социального и культурного потенциала техники позволяет сделать вывод о том, что техническая цивилизация не только не уничтожает индивидуальные и коллективные смыслы, но и открывает новые горизонты, дает возможность созидать новые целевые и ценностные представления и ориентиры. История не порождается лишь как результат преемственности технического прогресса, лишь вследствие собственной динамики технической эволюции. Скорее дело обстоит так, что континуум технического развития приобретает универсальное историческое значение через опосредование той или иной культуры.

Подчеркнем, что смыслообразующие потенции техники, являющиеся следствием «культурного излишка» использования техники, действительно свидетельствуют о том, что техническая цивилизация создает условия для возможности появления новых смыслов и, соответственно, создает условия для возможности новаций в исторической жизни, новых возможностей самореализации для социального субъекта. Это обстоятельство опровергает предположение относительно смыслов и конца истории вследствие технического прогресса, относительно «конца субъекта» вследствие безграничного господства техники.

§ 4. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И «ЖИЗНЕННЫЙ СТИЛЬ»

Основная общая цель данной работы, как это было сказано, состоит в том, чтобы дать общую социально-философскую характеристику положения индивидов, живущих в современных западных обществах. Такая характеристика включает и оценку положения индивидов в перспективе возможностей реализации ими своей социальной субъектности.

Характеристика социального положения индивидов должна носить двусторонний характер. С одной стороны, это должна быть объективная социально-структурная характеристика, а с другой – характеристика социального опыта индивидов, т.е. характеристика того, как социальная реальность репрезентируется и переживается ими.

В этом параграфе и следующих за ним параграфах мы обращаемся к такому двустороннему анализу ряда важнейших параметров социального существования и функционирования живущих в современных западных обществах индивидов, таких как социальная дифференциация и социальное неравенство; социальная идентичность. Современные западные общества – это глобализированные общества, соответственно, всякая характеристика положения индивида должна учитывать это реальное обстоятельство. Рассматриваемые здесь параметры социального существования индивидов были выбраны нами ввиду их особого значения в контексте проблематики социальной субъектности, поскольку непосредственно касаются индивида в его конкретной партикулярности.

Современное общество рассматривается в целом как совокупность частичных сфер деятельности, между которыми устанавливаются многообразные отношения. Воспроизводство общества осуществляется благодаря тому, что каждая частичная сфера общества выполняет определенные функциональные требования. Поэтому современное общество – это, прежде всего, функционально дифференцированное, постклассовое массовое общество. Форма дифференциации современного общества в своей сегментной и стратификационной части определяется широко понимаемой, не сводимой к трудовой функции функциональной дифференциацией. Функциональные констелляции, рассмотренные в перспективе сво-

ей престижности и символических ресурсов, образуют и констелляции статусов и статусных групп.

Общим знаменателем процессов функциональной дифференциации частичных сфер можно считать рационализацию, в том числе рационализацию ценностных ориентаций, которая во все большей степени делает эти ориентации основой действия в рамках частичных сфер.

Однако общепризнанно, что не существует единой линии развития, проявляющейся в постоянно нарастающей рационализации и порождаемой ею дифференциации в рамках всех частичных сфер деятельности. Функциональная дифференциация носит скорее во многих отношениях контингентный, или случайный, характер. Интеграция общества совершается не только под знаком общих рационализированных ценностных ориентаций, но и на основе интегративных механизмов – отчасти эволюционных, отчасти интенциональных. В рамках общей теоретической схемы функциональной дифференциации для нас особо важны следующие моменты. Современные общества – это индивидуализированные общества. Каждый член общества адресует себе и другим когнитивное и нормативное требование быть своеобразной и само-определяющейся личностью. Продолжающаяся функциональная дифференциация, в первую очередь дифференциация вследствие дифференциации ролей, а также вследствие выделения частичных сфер деятельности общества, несет амбивалентные последствия как для отдельных членов общества, так и для общества в целом.

В своей совокупности эти последствия обычно концептуализируются как неустранимая «двойственность модерна». В интересующем нас аспекте можно утверждать, что для индивидов она состоит, с одной стороны, в разнообразных возможностях самореализации, а с другой – в отчуждении и утрате ориентации относительно общественного целого. Для общества как целого указанная двойственность сказывается в контингентной рационализации частичных социальных сфер, с одной стороны, и утрате обществом гомогенности – с другой.

Общественная дифференциация имеет для субъекта судьбинный характер. Мы производим и воспроизводим ее своим действи-

ем, но при этом очень редко знаем, что делаем или что появится в результате нашего совокупного действия.

* * *

Совокупная характеристика той или иной системы социальной дифференциации предстает как характеристика структурированного социального неравенства, особенно в том случае, если рассматривается через соотнесение с положением конкретных индивидов.

В домодерновых обществах неравенство получало признанную «культурную легитимацию». Лишь эпоха модерна разводит общественное бытие и культурно конструируемое долженствование, соответственно, делает социальное неравенство предметом спора относительно своей социальной нормативности.

Постулат равенства становится одной из основных идей модерна. Эта идея выступает в качестве одного из главных критериев оценки социальных отношений. Она во многом определяла характер теорий социального неравенства от марксистских теорий классов и теорий социального расслоения до новейших теорий социальной среды и жизненных стилей.

Различия в социальном положении воспринимаются индивидами в современном обществе в соотнесении с «культурным постулатом о равенстве», и это становится источником глубинных конфликтов вокруг распределения социальных благ. Вместе с тем теория усматривает в таких конфликтах важнейшую движущую силу социального изменения. Такой подход сохраняется несмотря на то, что сегодня уже никто не разделяет в чистом виде идеи о том, что классовый конфликт сам по себе определяет ход мировой истории. Основным ориентиром социологического рассмотрения социального неравенства становится идея о том, что различное социальное положение обуславливает лучшие или худшие социальные шансы индивидов. В качестве факторов, определяющих социальное положение, указываются профессия, образование, доход, а также пол, этническая принадлежность, регион проживания. Спор относительно распределения социальных шансов, а также значения этого распределения для общественного развития образует один из фокусов рассмотрения проблематики социального неравенства.

Неравное распределение ресурсов, базирующееся на нем формирование статусных групп и иерархическое расположение этих статусных групп является основой социального строения того или иного общества. Описание такого строения может быть расширено до системной характеристики посредством анализа микросоциальных процессов рекрутирования индивидов для определенных социальных позиций, анализа социальной мобильности, а также посредством анализа участия в этих процессах таких институциональных сфер, как семья, система образования, система занятости и государство. Охарактеризованный подход, получающий различные теоретические выражения, принято называть «парадигмой структурированного социального неравенства» (65).

Социальные структуры неравенства в терминах дохода, власти, образования и престижа производятся, воспроизводятся и претерпевают трансформацию во взаимодействии с культурным кодом общества. Речь идет о ценностях и нормах, а также способах использования языка в целях легитимизации социального неравенства.

Эта парадигма включает такие противоположные теоретические традиции, как марксистские и немарксистские теории классов, с одной стороны, и ориентированные на объяснение социальной интеграции функционалистские и интеракционистские теории расслоения — с другой. Таким образом, указанная парадигма образует «минимальный консенсус» в социологической теории.

С 1970-х и в полной мере с 1980-х годов данная парадигма стала подвергаться усиленной критике. Критика опиралась на утверждения о деструктурировании классового общества, уменьшении «плотности» социальной среды, а также на утверждения об индивидуализации и плюрализации жизненных стилей.

Так, в середине 1970-х годов сформировалась такая область социально-научного исследования, как изучение биографии и «протекания жизни». Социологи стремились теоретически постичь «режим протекания жизни» и зафиксировать те значительные подвижки, которые произошли под воздействием и в контексте социально-структурных изменений.

Возрастание объема материальных и символических ресурсов общества, увеличение средней продолжительности жизни, плюрализация форм семейной жизни сделали возможным планиро-

вание собственной биографии, создали условия для воплощения в жизнь ценностей самореализации.

Некоторые новые линии дифференциации и конфликта не вписываются в рамки привычного анализа классов, расслоения и мобильности. «Новые» формы социального неравенства — это виды социального неравенства, которые либо не существовали прежде, либо не замечались социологами, экономистами и т.д.

Так называемые «горизонтальные диспаритеты» указывают на существование региональных различий и различий в социальном обеспечении, которые нельзя объяснить только с помощью модели иерархического расположения социальных классов и слоев. Далее, исследования положения женщин и гастарбайтеров свидетельствуют о наличии «аскриптивных форм» неравенства, связанных с дискриминацией по половому и этническому признаку. Многие новые формы социального неравенства связаны со спецификой современной ситуации на рынках труда и характера рекрутирования рабочей силы. Указанные формы социального неравенства так или иначе соотносятся с национальным государством. Наряду с этими существуют формы неравенства, обусловленные «международной системой социального неравенства». Эти формы были выявлены, прежде всего, с помощью «анализа мировой системы».

Общим для всех указанных новых форм социального неравенства является то обстоятельство, что они не вписываются в рамки теоретического анализа, опирающегося на исследования классов и слоев, прежде всего не вписываются в рамки изучения статуса и мобильности, осуществляемого американской социологией.

Ввиду теоретической недостаточности или даже теоретической несостоятельности в нынешних условиях классической социологической парадигмы социального неравенства предлагаются новые исследовательские стратегии изучения социального неравенства, с целью переформулировать теорию социального неравенства в свете новых явлений как в самой социальной жизни, так и в социальной теории.

Традиционное социально-научное знание определяло социальное положение индивида в соответствии со структурированным неравенством. Это означало и определение социальных возможностей и социальных шансов индивида, соответственно, означало и ту или иную характеристику реализации им своей субъектности и субъективности.

Многочисленные усилия указать и определить «изменившееся значение социального неравенства» можно рассматривать по существу как попытку проверить, а означают ли измененные значения социального неравенства расширение ареала самореализации для индивидов. Иными словами, можно ли говорить о том, что расширение возможностей потребления, появление условий для выработки своего индивидуального стиля жизни и т.п. — это, если говорить коротко, увеличение потенциала субъектности, культивирования собственной субъективности и т.п.?

Общим для различных современных подходов к исследованию социальной дифференциации является воззрение, в соответствии с которым осуществленные и осуществляемые в рамках привычного социально-структурного анализа исследования, в том числе статистические, форм дифференцированного и неравного распределения социальных благ (дохода, собственности, образования, власти, престижа, жилья, свободного времени и т.п.) должны дополняться и конкретизироваться через анализ жизненных стилей. Для нас такой подход имеет особое значение потому, что так или иначе выдвигает в центр внимания процесс индивидуализации и плюрализации жизненных стилей. В самом общем виде можно утверждать, что этот процесс был обусловлен беспрецедентным ростом уровня жизни, распространением массового образования и созданием государства всеобщего благоденствия в западных странах в послевоенную эпоху.

Социологический анализ жизненных стилей обладает несомненными теоретическими достоинствами. Такой анализ позволяет увязывать макро- и микроуровень социальной жизни; позволяет сочетать структурные и процессуальные аспекты; дает возможность избегать как «структурализма», так и «экономизма», поскольку в состоянии переходить от социально-структурной позиции или социально-экономического положения индивида непосредственно к его конкретному специфическому поведению; создает условия для отслеживания изменений в системе социального расслоения, а также в устройстве домашней и семейной жизни индивида.

Социологический анализ жизненных стилей устанавливает связи, сходства и подобия между «классовым пространством» и

жизненными стилями, увязывает в определенное единое целое труд, творчество с досугом и потреблением.

Вместе с тем рассмотрение жизненных стилей дает возможность рассматривать одновременно различия по вертикали и различия по горизонтали, различия в статусе и субкультурные различия.

Комплексное и динамичное понятие жизненного стиля применимо и к привычным, и к альтернативным жизненным стилям, оно в состоянии показать механизмы выбора, осуществляемого индивидами исходя из их социально-структурной позиции и менталитета.

Наконец, подход, опирающийся на понятие жизненного стиля, открывает возможность избегать двух крайностей в интерпретации общества: тезиса о продолжающемся существовании классового общества, с одной стороны, и тезиса об индивидуализированном обществе — с другой.

Ганс-Петер Мюллер (65) предложил теоретический подход, способный служить общим ориентиром в конкретных исследованиях различных жизненных стилей. В этом подходе синтезированы в определенной мере и другие значимые теоретические позиции, в частности позиция Пьера Бурдьё, а также — через критику — позиция Ульриха Бека.

Г.П. Мюллер считает, что вопрос о мере классового структурирования и о степени индивидуализации общества остается открытым в общем теоретическом плане. Такой вопрос целесообразно ставить в эмпирическом плане, поскольку получить ответ на него можно эмпирическим путем. Целесообразно проводить исследовательскую работу, направленную на совершенствование теоретического подхода, в основе которого лежит понятие жизненного стиля. В таком случае понятие жизненного стиля предстанет как базисное понятие, сопоставимое с понятиями класса и слоя. А сочетание понятий жизненных шансов и жизненного стиля позволяет выдвинуть на передний план центральную проблему классической социологии — проблему «ведения жизни».

Жизненные стили Г.-П. Мюллер определяет как структурированные в пространстве и времени образцы «ведения своей собственной жизни». Такие образцы зависят от наличествующих у индивида материальных и культурных ресурсов, от формы семьи и характера устройства домашней и семейной жизни, а также от ценностных установок.

Ресурсы задают жизненные шансы, определяют возможности выбора. Форма семьи и характер устройства дома указывают на единство образа жизни, жилища и потребления. Ценностные установки определяют жизненные цели, формируют менталитет.

Стиль жизни включает экономический и культурный полюсы, которые можно обозначить также как материальный и идеальный субстрат, соответственно. Материальный субстрат – это социальное происхождение и профессия, а также доход и имущественные возможности индивида или группы. Идеальный субстрат является результирующей социального происхождения и семьи, которые формируют потребности и менталитет.

Материальный и идеальный субстраты можно квалифицировать как «конститутивный дуализм», присущий теоретическому понятию жизненного стиля. Если не учитывается тот или иной компонент такого дуализма, соответственно, не учитывается тот или иной из указанных субстратов, то понятие жизненного стиля страдает неправомерной односторонностью. Примером может служить понятие жизненного стиля у П. Бурдьё.

Материальный и идеальный субстраты как полюсы понятия жизненного стиля образуют в подходе Г.-П. Мюллера структурную рамку для четырех основных измерений, в которых проявляются жизненные стили.

Первое измерение – «экспрессивное поведение», находящее выражение в формах досуговой активности и в образцах потребления.

Второе измерение – «интерактивное поведение», которое находит непосредственное выражение в формах общения и поведения в браке, а опосредованное выражение – в способах отношения к средствам массовой информации.

Третье измерение – «ценностное поведение», связанное с различными ценностными ориентациями и установками. Такое поведение проявляется в религиозной сфере в приверженности той или иной церкви, а в политической сфере – в первую очередь в определенном электоральном поведении. Поведение на выборах как проявление жизненного стиля лишь в последнее время привлекло к себе внимание.

Четвертое измерение – «когнитивное поведение», под которым имеется в виду, прежде всего, самоидентификация и восприятие социального мира. Это измерение труднее всего постичь.

Экспрессивное, интерактивное, ценностное и когнитивное поведение, воспринимаемые как главные измерения жизненного стиля, открывают возможность социологической разработки типологии жизненных стилей.

В связи с нашей темой мы должны поставить вопрос о том, означают ли процессы, связанные с повышением уровня жизни, увеличение продолжительности жизни, означают ли дифференциация и плюрализация жизненных стилей и т.п. усиление «субъектности»?

Разумеется, эти процессы создают условия прежде всего для реализации второй из выделенных нами форм – «приватной» – социальной субъектности в той или иной версии. Вместе с тем для полной или действительной реализации такой формы субъектности требуется, чтобы выбираемый стиль жизни был постоянно воплощаемым результатом сознательно осуществляемого оформления. Такое оформление предполагает прежде всего рефлексивную дистанцию по отношению к собственной социальной ситуации, а также умение целенаправленно модифицировать свои социальные обстоятельства. В противном случае процессы дифференциации и плюрализации жизненных стилей останутся спонтанными, только обусловленными социально-структурно.

* * *

В современной социологии теоретическое и практическое изучение жизненного стиля чаще всего увязывается с изучением «потребительской культуры». В рамках нашей темы особенно важно, что при этом «стиль жизни» ассоциируется с устремлением индивида к самовыражению, а в качестве важнейшего и наиболее продуктивного средства самовыражения выступает обретенное и осуществляемое в своеобразной индивидуальной форме жизни потребление.

Современная эпоха благодаря изменению технологий производства, сегментации рынка и диверсификации потребительского спроса оценивается многими как период, открывающий огромные возможности потребительского в широком смысле выбора перед людьми всех возрастов, принадлежащих к самым различным группам.

Феномен современного потребления, его всеохватывающего и всепроникающего воздействия на социальную жизнь обусловил, естественно, пристальное теоретическое внимание к нему. Широкое использование в современных исследованиях понятия «потребительская культура» свидетельствует о том, что мир потребительских благ и способы их структурной организации играют чрезвычайно значимую роль для понимания современного общества.

Можно выделить две кристаллизации такого интереса, важные в том числе и в связи с проблематикой данной работы: во-первых, исследование вопроса об отношении между социальной структурой и потреблением; во-вторых, осмысление современного потребления, если можно так выразиться, самого по себе, в антропологической перспективе.

В социально-научной литературе возможно указать два крайних подхода к проблеме отношения между социальной структурой и потреблением, точнее, между социальной структурой и современной потребительской культурой.

Первый подход однозначно увязывает характер группового и индивидуального потребления с социально-структурной позицией соответствующей группы и индивида. Такой подход является традиционным, он тесно связан с традиционными концептуализациями социальной дифференциации и социального неравенства.

Второй подход заключается в том, чтобы воспринимать современное потребление как нечто, практически полностью автономное по отношению к социально-структурному положению потребителя.

Сторонники такого подхода заявляют, что уходит в прошлое ситуация, в которой приверженность индивида к определенному стилю жизни была связана с его принадлежностью к определенной структурной, статусной группе, что находило свое выражение в выборе жизненного стиля и характере потребления, в частности в выборе форм проведения досуга и в предпочтении определенных потребительских благ. Происходящие в современном западном мире изменения ведут к возникновению общества, в котором отсутствуют устойчивые статусные группы. Утверждается также, что в основе постмодернистской потребительской культуры лежит распространение информации и размножение образов, которые не поддаются иерархическому упорядочению в рамках символической

системы смыслов, напрямую соотносимой с господствующей в обществе социальной иерархией. Это будет иметь своим следствием уменьшение значения деления общества по социально-классовым показателям.

Подобный подход акцентирует, выводит на первый план культурное измерение экономики, процессы символического обмена и использования материальных благ в качестве средств коммуникации, а не просто приносящих пользу вещей. Соответственно, внимание современных исследователей сосредоточивается на экономике культурных благ, а именно – на рыночных принципах спроса, предложения, накопления капитала, конкуренции и процессов монополизации, действующих в области стилей жизни, культурных благ и предметов потребления.

Разумеется, предпринимаются усилия представить отношения между социальной структурой и жизненными стилями и потреблением как более сложный и многообразный процесс. В этом плане наиболее интересной представляется концептуализация Майкла Фезерстоуна (51).

М. Фезерстоун предпринимает попытку «построить перспективу», преодолевающую как точку зрения, согласно которой стиль жизни и потребление – это целиком и полностью поддающиеся манипуляции продукты массового общества, так и противоположное воззрение, согласно которому «поле стилей жизни и потребления» (или по крайней мере какие-то его отдельные сегменты, например спорт) является автономным игровым пространством, в котором отсутствует какая-либо детерминация.

Интерес к стилям жизни и к стилизации самой жизни, присущий современной потребительской культуре, свидетельствует о том, что практики потребления, приобретения и демонстрации потребительских благ в повседневной жизни не подчиняются целиком и полностью логике, которая навязывается меновой стоимостью этих благ и инструментальной рациональной калькуляцией. При этом, однако, нельзя в полной мере принять широко распространенное в культурных кругах в 1980–1990-е годы представление о том, что потребительская культура и стили жизни подчиняются принципу «никаких правил, только акты выбора».

Широко распространенное среди исследователей представление о том, что современная массовая культура по сути своей носит кон-

формный характер, а поведение потребителей в ней программируется с помощью рекламы, нуждается в существенных коррективах.

М. Фезерстоун обращает внимание и на то, что логику современных процессов потребления невозможно понять через призму противопоставления их инструментального и символического аспектов. Скорее, речь следует вести о необходимости учета обоих этих аспектов в ходе анализа процессов, происходящих в рамках современной потребительской культуры.

Значение и использование предметов потребления, то есть процесс декодирования, носит более сложный и проблематичный характер. Речь должна идти о том, что различные классы ведут различный образ жизни и придерживаются различных взглядов на природу социальных отношений, которые и образуют матрицу, в рамках которой осуществляются процессы потребления. Кроме того, следует иметь в виду то обстоятельство, что подобного рода сходства уменьшаются по мере того как, во-первых, благодаря технологическим изменениям увеличивается разнообразие производимой продукции и, во-вторых, по мере того как растет фрагментация рынка. В результате индивиды потребляют все более разнообразную продукцию. Эти тенденции, переплетаясь с тенденцией к конструированию многозначных и не поддающихся однозначной интерпретации стилей жизни средствами рекламы приводят, по наблюдению многих специалистов, к тому, что потребительская культура во все большей степени оказывается способна содействовать выражению индивидуальности и своеобразия своих потребителей.

Как подчеркивает в этой связи М. Фезерстоун, «вместо того, чтобы механически, следуя привычке или обычаю, вести определенный образ жизни, новые герои потребительской культуры превращают стиль жизни в проект всей своей жизни и выражают свою индивидуальность и свое чувство стиля всем многообразием потребляемых ими благ, нарядов, исполняемых практик, переживаний и особенностей телесного поведения, которые в совокупности складываются в определенный стиль жизни» (51, с.59). Современный потребитель отдает себе отчет в том, что он определенным образом «нодает себя» в глазах окружающих не только своей одеждой, но и своим жильем, его обстановкой и убранством, автомашиной и прочими аксессуарами своего образа жизни, рас-

считывая которые окружающие приписывают ему наличие вкуса либо же отсутствие такового. Причем поглощенность культивированием своего стиля жизни и стилистического самоощущения присуща не только молодежи или имущим классам.

Эта свойственная современной культуре тенденция к дифференциации сталкивается с определенными ограничениями; она умеряется признанием того факта, что различия в стилях жизни должны быть социально признаны и легитимированы; совершенная иная, равно как и совершенная индивидуальность, рискуют не получить требуемого признания.

Необходимо перейти от общего вопроса о производстве различных вкусов в отношении стилей жизни и практик потребления к вопросу о производстве вкусов, связанных с определенным жизненным стилем, в рамках структурированного социального пространства, в котором различные группы, классы и классовые фракции борются и конкурируют друг с другом за то, чтобы представить свои вкусы в качестве единственно легитимных, что, в свою очередь, приводит к постоянному переструктурированию социального пространства. Здесь исследование должно вступить в область экономики символических благ и жизненных стилей, основы изучения и перспективы рассмотрения которых были заложены в произведениях французского социолога Пьера Бурдьё.

Изучение экономики символических благ в первую очередь предполагает отказ от редукционистского подхода, в основе которого лежит сведение производства благ и стилей жизни к экономике, и признание автономного характера функционирования культурных практик, понятых в рамках их собственной динамики, принципов структурной организации и процессов, происходящих в сфере культурного производства и функционирующих на манер экономики.

Заметим, что, каким бы образом ни понималось отношение между социальной структурой и потреблением в современном обществе, очевидно, что в самой природе потребления произошли какие-то фундаментальные изменения. Не исключено, что интенсивное изучение жизненных стилей, отношения между социальной структурой и потреблением, разработка экономики символических благ и т.п. мотивировано, в числе прочего, стремлением понять характер таких изменений.

Фундаментальные изменения в природе и характере потребления так или иначе увязываются в плане объяснения с тем, что потребление утратило свой сугубо инструментальный характер, обусловленный функциональными императивами существования в условиях ограниченных ресурсов. Это сделало возможным в том числе и возрастание значения эстетического измерения.

Функциональным и смысловым ядром потребления является потребность. В философско-антропологическом плане изменения в характере потребления — это прежде всего изменения в природе потребности. Связь между потреблением и потребностью в «современном потребительском обществе» стремится раскрыть Зигмунт Бауман (43). Бауман полагает, что отличительным признаком потребительского общества не является потребление как таковое, каким бы ни был объем потребления. Освобождение потребления от присущего ему в прошлом характера инструментальности, которая очерчивала границы потребления, — вот что отделяет потребление современных людей от потребления, как его практиковали их предки.

В потребительском обществе потребление является целью само по себе и поэтому воспринимается как его главная движущая сила. Традиционная ортодоксальная психология определяла «потребность» как состояние напряжения, которое ослабнет и в конце концов исчезнет, когда потребность будет удовлетворена. «Потребность», движущая членов потребительского общества, — это потребность в сохранении напряжения и, более того, в его усилении. Наши предки могли рекомендовать «отложить удовлетворение». Потребительское общество провозглашает невозможность удовлетворения (потребностей) и оценивает свои достижения в соответствии с постоянно растущим спросом на потребление.

Таким образом, использование понятия «потребность» применительно к потребительскому обществу создает значительные теоретические трудности. Имеет смысл поэтому вообще избавиться от понятия «потребность», исходя из того, что потребительское общество и консумеризм, или потребительство, нельзя адекватно постичь посредством понятия потребности. Движущей силой потребительской активности является желание. Желание всегда имеет какие-то следующие друг за другом конкретные оформления, но является по своей сути «нарцисстическим», поскольку само пред-

ставляет для себя главный объект устремлений. В силу этого обстоятельства оно обречено оставаться неудовлетворенным, независимо от того, каким числом объектов оно удовлетворилось в прошлом. Желание — это гораздо более, чем потребность, эфемерное, неуловимое и даже капризное понятие.

Соглашаясь с этим выводом З. Баумана, отметим, что это понятие не только позволяет зафиксировать те совершенно определенные подвижки, которые произошли в сознании современного индивида, но и указывает на расширение сферы его возможностей, указывает на потенциал углубления и нюансировки его субъективной жизни.

Исследование М. Фезерстоуна, избегая крайностей в воззрениях на отношения между социальной структурой и потреблением, указывает на неоднозначность этих отношений. Подход З. Баумана фактически подтверждает такую позицию, поскольку автономизация потребления, обретение им «новой природы» возможно только при отсутствии жесткой детерминистской связи между социальной структурой и потреблением.

В интересующем нас плане это значит, что в рамках современной потребительской культуры существуют возможности для воплощения второй основной формы социальной субъектности. При этом, однако, должны быть соблюдены условия, которые мы упомянули при рассмотрении проблематики жизненных стилей в общем плане.

§ 5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В нынешних условиях глобализация представляет собой многомерное явление и затрагивает практически все аспекты социального существования человека. Безотносительно к многообразию способов теоретического понимания глобализации правомерно воспринимать ее как неоспоримую эмпирическую данность. Соответственно, всякое рассмотрение проблематики субъектности должно исходить из того непреложного обстоятельства, что современный человек существует в условиях глобализации.

Исследовательская задача состоит в том, чтобы найти такую перспективу рассмотрения субъектности и субъективности, которая не будет представлять только описание и анализ тех или иных

моментов и аспектов процесса глобализации. Необходимо выделить такие моменты, которые непосредственным образом определяют не только социальное функционирование индивида в широком смысле (его трудовое функционирование, досуговое поведение и т.п.), но и способы и формы функционирования его сознания в новых исторических условиях. Одним словом, глобализация рассматривается нами в контексте данной работы прежде всего в перспективе ее воздействия на социальный опыт индивидов.

Современная тенденция к глобализации вновь придала актуальность идее всеобщей истории. Глобализация есть не только следствие модерна в том смысле, что модерн определяет протекание и структуру глобализации. Глобализация была и предпосылкой того, что смог появиться модерн. Вообще модерн и глобальность взаимно обуславливают друг друга.

В связи с нашей темой мы должны сделать предметом рассмотрения присущие процессу глобализации противоположные тенденции «гомогенизации» и «гетерогенизации» и указать на предлагаемые возможные способы опосредования этих тенденций. Это предполагает краткое рассмотрение ряда известных противоположных моментов глобализации.

Не вызывает сомнений, что технико-экономическая цивилизация подвержена гигантской системной интеграции. Вместе с тем этот же процесс «в культурно-критической перспективе» предстает как процесс дезинтеграции, дифференциации и в лучшем случае как процесс «партикуляризации».

В экономическом плане глобализация означает, с одной стороны, расширение пространства действия, ускорение обращения товаров и капиталов, концентрацию экономической мощи. С другой стороны, тенденции расширения пространства действия и интенсификации транснациональной кооперации противостоят тенденции к децентрализации и партикуляризации. Новые информационные технологии позволяют децентрализовать труд в пространственном и временном отношении. Наблюдается плюрализация производственных и предпринимательских структур, а также продуктов и услуг. Обмен товаров осуществляется в рамках сегментированных частичных рынков, а не в рамках единого мирового рынка. Он сопряжен и с «исключением» целых стран и групп из глобального экономического пространства.

В политическом отношении глобализации также присущи противоположные тенденции. С одной стороны, ослабевает роль политических институтов, а с другой – возрастает значение новых, в том числе наднациональных образований. Неоднозначна ситуация и с национальным государством.

В плане культуры глобализация предстает как противоречивый процесс, в котором различные культуры многообразно сочетаются, наблюдается своего рода «конвергенция культур», реализующаяся как гомогенизация и нивелирование культур, и как реакция на нее наблюдается гетерогенизация и релокализация культур. Эти противоположные тенденции в сфере культуры сходятся в том, что глобальная культура универсализирует партикулярные культуры.

В общем процесс глобализации характеризуется противоположными тенденциями универсализации и партикуляризации, что находит отражение в современных дискуссиях по проблеме глобализации. Модель «мировой капиталистической системы» воплощает позицию «глобальности». Модель «локальности» исходит из неустранимой полицентричности политики, техники и культуры. Функцию опосредования между крайностями стремится осуществить модель «глокализации», исходящая из того, что неверно воспринимать «глобализацию» и «локализацию» как противоположности. Рональд Робертсон считает, что «локальное» следует рассматривать как «аспект глобализации». Модель «глокализации» он применяет при рассмотрении современной экономики, политики, культуры и этики (72).

Р. Робертсон формулирует идею «сжатия мира в "единое место"». Тенденции сжатия мира в нечто единое, по мнению Робертсона, неумолимы. Вместе с тем этот процесс, как ему видится, не означает, что мир приобретает какое-то упрощенное единообразие. Глобальное единство – в высшей степени сложное и многообразное состояние. «Глобально-человеческое состояние». В рамках этого состояния различные сферы или порядки человеческой жизни соотносятся друг с другом.

Робертсон выделяет четыре таких порядка: индивиды, национальные общества, «мировая система обществ» и человечество или «человеческий род» как всеохватывающая совокупность. Глобализация представляет собой усиливающееся взаимодействие таких порядков человеческой жизни. «Мир как единое место» озна-

чает трансформацию порядков человеческой жизни в процессе указанного усиливающегося взаимосотнесения и взаимодействия.

Отметим, что этот процесс не означает гомогенизации. Робертсон не разделяет и расхожее наивное представления о возникновении какого-то единого глобального сообщества.

«Глобальные процессы» в своей совокупности меняют конкретные контуры современного социального опыта. Существует обширная исследовательская литература, ориентированная на описание и теоретическую фиксацию новых конфигураций социального опыта. В связи с этим мы обратимся к работе Джона Урри, поскольку эта работа не только выделяется своей полнотой, но и в наибольшей степени соотносена с интересующей нас проблематикой (81).

Отправным пунктом анализа современной социальной ситуации для Урри служат следующие моменты (здесь Урри опирается на М. Манна): нет единого глобального общества; существуют «исключительные уровни» взаимозависимости; непредсказуемые ударные волны из какой-то одной части системы расходятся по всей системе; на планете есть не только «общества», но и могущественные «империи», охватывающие ее; наблюдается массовая мобильность людей, предметов, а также опасных отходов.

Характеристика сегодняшнего мира, содержащаяся в тезисе о глобализации, вызывает две весьма различные реакции. Энтузиасты глобализации приветствуют ее как процесс, создающий новый золотой век, когда преодолеваются ограничения, налагаемые обществами и особенно национальными государствами.

Другая реакция заключается в указании на современный мир как на новое Средневековье, как на возврат Запада к домодерновой эпохе. И для средневекового мира было характерно отсутствие четких территориальных границ и «обществ»; наложение друг на друга различных сфер и форм юрисдикции и различных идентичностей.

«Новое видение социального» должно, по Урри, реализоваться посредством ряда «новых правил метода», важнейшее из которых состоит в использовании метафор. Урри утверждает, что наше понимание общества и социальной жизни базируется на различных метафорах и находит отражение в них. Более того, по его мнению, «социологическая мысль, как и всякая другая форма мышления, не может реализовываться не-метафорически» (81, с.21).

Соответственно, предлагаемое им теоретическое рассмотрение социальной жизни опирается на метафоры «сеть», «поток» и «путешествие» и их версии. Эти и некоторые другие метафоры призваны прежде всего способствовать разработке продуктивных метафор «глобализации» и «глобального».

Основу современной социальной жизни образуют разнообразные передвижения, или «мобильности». Это процессы, которые лучше всего могут быть выражены посредством метафор, прежде всего «метафор мобильности» и «метафор путешествия».

Широкое распространение в последнее время получила метафора «кочевник». «Кочевник», «кочевники» призваны охарактеризовать общества с элементами «детерриториализации», размывания центра, значительной подвижностью населения. Кроме того, эта метафора может использоваться для характеристики критического сознания, сопротивляющегося господствующим культурным кодам.

К метафоре «кочевник» примыкают отчасти противостоящие ей метафоры «бродяга» и «турист». Метафора «бродяга» призвана снять элементы осмысленности, направленности и упорядоченности движения, присущие метафоре «кочевник». Метафора «турист» указывает на организованное движение людей, склонных фактически навязывать чужим местностям свои смыслы, а также свои стандарты счастья как «постоянного отпуска».

К данному ряду метафор можно отнести и метафоры «судно», «гостиница», «мотель», выражающие особое «промежуточное» состояние между пребыванием в фиксированных местах труда, проживания и отдыха. При таких состояниях в известной мере забываются или стираются жесткие социальные показатели людей, многообразно пересекающихся на пароходах, в гостиницах, отелях, залах ожидания в аэропортах и т.д.

Особое значение в современной социологии приобретают «метафоры глобального», «метафоры глобализации», а также метафоры «сеть» и «поток». В первую очередь эти метафоры призваны создать новую «социальную топологию», способную заменить топологию и метафорику «региона», вокруг которой организовано понятие «общество».

«Сеть» не имеет в виду лишь «социальную сеть». Ссылаясь на М. Кастельса, Дж. Урри пишет о том, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую

материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. Материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими ужимать пространство и время: опτικο-волоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая Интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т.п. Все эти технологии «несут» людей, информацию, деньги, образы и т.д. Они позволяют, в числе прочего, мгновенно пересекать и пространство национального государства, и его границы.

Урри считает целесообразным провести различие между «скейпами» (scapes) и «потокками». «Скейпы – это сети машин, технологий, организаций, текстов и действующих лиц, образующие различные взаимосвязанные узлы, по которым могут осуществляться те или иные потоки» (81, с.35). Выделяются следующие основные скейпы: транспортировка людей по воздуху, морем, по железной дороге, по автомобильным и прочим дорогам; транспортировка объектов посредством почтовых и прочих систем; проводочные и прочие кабели; микроволновые каналы, используемые в телефонах; радио- и телевизионные спутники; оптиковолокноный кабель для телефонов, телевидения и компьютеров. Когда установлены скейпы, то и индивиды, и особенно различные корпорации обычно стремятся соединиться с ними, став узлом внутри той или иной сети.

Некоторые скейпы организуются на глобальном уровне. Примерами могут служить ООН, Всемирный банк, Майкрософт, СШН, Гринпис, ЕС, церемония присуждения Оскара, ЮНЕСКО, Международное Олимпийское движение, Европейский суд по правам человека, английский язык и т.д.

В противоположность структурированным скейпам потоки образуются людьми, образами, информацией, деньгами и отходами, которые неконтролируемо пересекают национальные границы. Потоки несут в себе определенные угрозы и риски: распространение болезней, например СПИДа; экологические угрозы, связанные с передвижением «ядерных монстров»; утрата национального суверенитета и

т.д. В то же время потоки сулят и новые благоприятные возможности: относительно недорогие путешествия; возможность приобретать товары, произведенные во всем мире; использование коммуникационных средств, таких как Интернет.

Все это в совокупности означает известное «опустошение» существующих обществ, возможность дистанцироваться от «центра» общества, приобрести определенную свободу от давления конкретного общества.

Рассмотрение различного рода мобильностей, конституирующих современную социальную жизнь, находит у Дж. Урри продолжение в обращении к «социально-пространственным практикам, сопряженным с путешествием». Сначала рассматривается «телесное путешествие». Главное внимание при этом уделяется историческим формам нашего передвижения, нашего туризма и фигуре фланера по крупному городу. Современные формы физического передвижения, связанные с современными средствами физического перемещения, являются одновременно и продолжением, и трансформацией традиционных форм физического передвижения.

Особое внимание получает автомобильность, или передвижение посредством автомобиля – «гибрида социальной и технической систем». Автомобиль – основной продукт индивидуального потребления, основное средство приобретения «квазиприватной» мобильности, важнейший социализационный и культурный инструмент современности. И при этом социология – прежде всего промышленная социология, социология потребления и урбанистская социология – уделила этому феномену явно недостаточное внимание.

В общем социология рассматривала автомобиль как нейтральное технологическое средство, допуская при этом, что сопряженные с ним аспекты жизни могли бы так или иначе существовать и без связи с автомобилем. Социология проигнорировала ключевое значение автомобиля, который не есть лишь система производства или потребления. Значение автомобиля в том, что он преобразует гражданскую жизнь, преобразует жилье, путешествие и социализацию посредством автомобилизированного временного пространства. Гражданские общества Запада – это общества автомобильности. Можно продолжить за Дж. Урри: индивид, живущий в современных западных обществах, – это автомобилист, некий гибрид технической, социальной систем и человека. В таком своем

качестве он представляет определенную новую форму существования человека, новую «форму жизни».

При рассмотрении «мобильности объектов» движение вещей призвано пролить свет на их «человеческий и социальный контекст». Главное здесь заключается в том, что объекты зачастую передвигаются вместе с людьми, а это предполагает, что в какой-то форме передвигаются или путешествуют культуры, к которым относятся объекты и люди.

После анализа «телесной мобильности» и «мобильности объектов» Урри обращается к рассмотрению «воображаемых мобильностей». Речь идет главным образом о «воображаемом путешествии». Здесь ключевую роль играют телевидение и радио. Телевидение (и радио) означает «воображаемое путешествие», когда события и люди из самых дальних уголков планеты буквально входят в наш дом и преобразуют нашу повседневную жизнь. Именно радио и телевидение осуществляют все основные коммуникационные обмены между домами, где живут люди, и внешним миром. Более того, во многих отношениях «телевидение есть культура», поскольку оно опосредует все другие культурные процессы. Телевидение продуцирует «глобальную деревню», размывает границы между приватным и публичным.

Особым видом мобильности является «виртуальное путешествие». Как и в случае с телевидением, компьютеры означают дематериализацию средств сообщения и коммуникации. Мобильность приобретает «характер мгновенности». Становится возможным буквально ощущать присутствие других людей, не двигаясь физически самому и не приводя в физическое движение какие-либо объекты.

Все описанные явления и процессы имеют «последствия в сфере гражданства». Следует прежде всего задаться вопросом, означает ли глобализация, что формы гражданства, связанные с национальным обществом и национальным государством, стали или станут излишними. Возникает и вопрос о праве государств регулировать разнообразные глобальные потоки. Наконец, следует поставить следующие вопросы. «Предполагает ли глобализация универсальные права и обязанности человека? Существуют ли в действительности граждане планеты?» (81, с. 163).

Традиционно представления о гражданстве были связаны с социальной практикой получения и пользования гражданством в рамках национального общества и государства. (Большинство социологических дебатов так или иначе обращались к известной позиции Т. Маршалла.) В связи с глобализацией, подчеркиванием значения многообразных сообществ внутри национальных обществ появилось понятие «постнациональное гражданство». В особенной мере его увязывают с «гостевой работой», а также с появлением универсалистских правил и концепций прав человека, формализованных в различных кодексах и законах ООН, ЮНЕСКО, ЕС, СЕ, Европейской конвенции о правах человека и т.п.

Переосмысление прав гражданства происходит не только в связи с процессами глобализации, но и в связи с тем, что ставится под сомнение исключительное право человека на гражданство. Все чаще звучат голоса о необходимости наделить гражданством окружающую среду и в особенной мере – о настоящей необходимости предоставить права гражданства *животным*.

При рассмотрении собственно «глобального гражданства» особого внимания заслуживает разработка концепции права участвовать в «предполагаемом глобальном сообществе», а также обязанностей внутри такого сообщества. Права гражданина предполагаемого глобального сообщества можно сформулировать следующим образом:

- мигрировать из одного общества в другое и оставаться там какое-то время, получив права, сопоставимые с правами коренного населения; иметь возможность возвратиться домой, не утратив при этом право гражданства и прочие права;

- иметь возможность принести с собой свою культуру, а также встретиться на новом месте с «гибридной культурой», которая содержит и элементы культуры приехавшего;

- право всех социальных групп на полное культурное участие в мировом обществе (на обладание информацией, знанием, коммуникацию, представительство); иметь возможность покупать продукты, услуги, произведенные в различных иных культурах, и пользоваться ими в рамках своей собственной культуры;

- иметь возможность образовывать социальные движения с гражданами других стран для противодействия каким-то государствам или группам государств, а также корпорациям;

– мигрировать по планете с целью досуга и «потребления» различных мест;

– обитать в среде, относительно свободной от рисков и угроз здоровью и безопасности.

Обязанности внутри предполагаемого глобального сообщества включают следующий перечень:

– быть в курсе состояния планеты посредством как национальных, так и интернациональных источников информации;

– демонстрировать установку космополитизма по отношению к другим культурам, средам и людям;

– придерживаться таких форм поведения, которые согласуются со стандартами стабильности и стойкости;

– реагировать на информацию, образы, повествования и т.п. как граждане планеты, а не как граждане какой-то определенной страны или как члены какого-то определенного этноса, класса и т.д.;

– стремиться убеждать других действовать во имя нашей планеты как целого;

– действовать в терминах глобального общественного интереса, а не в терминах локальных или национальных интересов.

Все рассмотренные характеристики положения индивида в современных обществах определяются и тем обстоятельством, что эти общества суть глобализированные общества. Глобализация оказывает неотвратимое воздействие на все моменты функционирования современных обществ и существования живущих в них людей.

Жизнь современного человека неизбежно оказывается втянутой в диалектические отношения между локальными социальными структурами, культурными традициями и глобализирующими структурами и силами, которые подвергают локальные обстоятельства стремительной, а зачастую и глубокой трансформации.

Анализ социальной субъектности и субъективности в контексте теорий глобализации указывает на включенность субъекта во все более усложняющуюся совокупность верований, ценностей и установок, зачастую отчетливо гетерономных. Это обстоятельство выдвигает повышенные требования к сознательно-субъектным функциям. (Мы специально отвлекаемся от тех механизмов, посредством которых медийно опосредованная гетерономная по отношению к локальности информация воздействует на сферы пси-

хики, не поддающиеся осознанному контролю, но определяющие ориентацию и поведение человека.)

В связи с этим ключевое значение имеет вопрос о том, ведет ли процесс глобализации к оформлению единого глобального сообщества как какой-то единой глобальной культуры, утверждению определенного универсалистского набора ценностей.

Столь важным этот вопрос представляется потому, что тот или иной ответ на него создает определенную перспективу на социальный характер, ценностные установки и т.п. современного исторического и социального субъекта.

Очевидны разнообразные формы фрагментации глобального социального мира, такие как подчеркивание цивилизационных различий, стремление к расовому и этническому обособлению, в том числе агрессивно-враждебному, жесткое проявление религиозного фундаментализма, экономический, политический и культурный протекционизм и т.п. Вместе с тем при констатации всех процессов и тенденций фрагментации и обособления не следует упускать из виду, соответственно оставлять без теоретической разработки то ключевое, на наш взгляд, обстоятельство, что все это рефлексивно-сознательные и даже рефлексивно-сознательно направляемые явления в том смысле, что они акцентированно понимаются через соотнесение того или иного рода, зачастую негативное, с глобальным контекстом.

Сказанное находит свое отражение и в той сфере, которая является основным предметом нашего внимания. Оформление идентичностей, усвоение ценностей и норм, ориентация действия происходит, прежде всего, спонтанно в различных локальных контекстах. Однако такая спонтанность в современных условиях неизбежно включает в себя соотнесение с фактическим глобальным контекстом существования локальных сообществ и индивидов и соответственно приобретает глобально-локальный, или «глокальный», характер.

Проблематика социального субъекта, как мы ее определили, неразрешимо связана с проблематикой социальной идентичности. Это неудивительно, поскольку идентичность – это и есть в той или иной мере осознанное социальное самоопределение, задающее основные параметры социальной ориентации и социального действия. (Вместе с тем «внешнее» теоретическое определение идентичности является важнейшим средством характеристики того или иного конкретного социального агента.)

Употребление выражения «социальная идентичность» указывает на то обстоятельство, что социальная идентичность полностью не совпадает с индивидуально-личностной идентичностью как таковой, во всех ее аспектах. Соответственно идентичность индивида рассматривается нами в определенной перспективе и с известными ограничениями.

Социальная идентичность является универсальной характеристикой в том смысле, что эта характеристика присуща всем индивидам во всех исторических обществах. В рамках данной работы представляется целесообразным предварить рассмотрение проблематики современной социальной идентичности кратким экскурсом в историю социальной идентичности в европейских обществах.

Можно указать основные факторы, определявшие идентичность в условиях доиндустриальных европейских обществ. Формы производственной деятельности и связанные с этим социальные структуры, прежде всего сословные структуры, представляли собой нечто устойчивое и стабильное, что обуславливало и устойчивость факторов, задающих социальную идентичность. Социальные структуры являли иерархический порядок, причем также весьма стабильный. Культура была относительно гомогенной, по меньшей мере в рамках определенных социальных сообществ.

В доиндустриальных обществах идентичность базировалась на том положении, которое индивид занимал в семье и обществе по рождению. С некоторым преувеличением можно сказать, что идентичность была следствием социальной атрибуции.

Вообще идентичность стала восприниматься как нечто проблематичное только в условиях европейского модерна, в особенной мере в период после промышленной революции. (Отдельные истоки реальной возможности изменить идентичность можно усмотреть в Реформации, в связи с расщеплением единой религии и изменением, причем в массовом порядке, религиозной идентичности.)

Оформление контура социальной идентичности эпохи модерна связано с историческим становлением и функционированием промышленного капитализма в экономической сфере, либерально-демократического режима в политической сфере и буржуазной культуры.

В индустриальных обществах, в которых появляются определенные возможности выбора профессии, сферы деятельности и спо-

соба жизни, идентичность начинает в значительной мере зависеть от выбора самого индивида. Это лежит у истоков нового буржуазного понимания индивида как субъекта, относительно автономного по отношению к обществу, к которому он принадлежит и по отношению к которому он вправе выносить независимое критическое суждение. При рассмотрении социальной идентичности можно провести также различие между проблематикой идентичности эпохи модерна и современной эпохи, приходящейся в общем и целом на вторую половину XX – начало XXI в. (первого и второго модерна).

Многие основные темы современных дебатов относительно идентичности, основные понятия, используемые в этих дебатах, связаны с многообразной философской критикой традиционного модернового понятия субъекта. Эта критика началась в последние десятилетия XIX столетия и велась на протяжении всего XX столетия.

Сложность определения идентичности в современных условиях и многообразный характер дебатов относительно проблематики идентичности задаются процессами социальной дифференциации, глобализации, а также распространением принципов мультикультурализма.

В настоящее время сама идентичность стала проблемой. Внимание к проблемам идентичности во многих современных теориях обусловлено в первую очередь кризисом индивидуальной и групповой идентичности. Речь идет, прежде всего, о том, что поставлены под сомнение те основания, которые традиционно определяли идентичность. Идентичность стала основной категорией в политических дискуссиях на Западе лишь начиная 1960-х годов. В особенной мере это относится к США, где наряду с общим усложнением социальной жизни в качестве важнейших факторов, интенсифицирующих проблему личностной самоидентификации, выступают традиционное расово-этническое многообразие, социальные движения, представляющие сексуальные меньшинства, женские движения и т.п.

При рассмотрении проблематики социальной идентичности современная социальная теория опирается, как нам представляется, на несколько теоретических положений. Основным среди них является теоретическое воззрение, в соответствии с которым формирование и функционирование социальной идентичности представляет собой конструктивный процесс, поскольку индивиды и группы постоянно конструируют, созидают свою идентичность. Этот процесс определяется многообразными контекстуальными факторами. Многие важ-

нейшие факторы были рассмотрены в данной работе, в частности отношение к истории, социальная дифференциация, место в системе трудовых отношений, факторы, связанные с глобализацией.

Процесс сознательного конструирования собственной идентичности, сопряженный с постоянным мониторингом своего действия, причем с опорой на элементы экспертного знания, в том числе социально-научного, – вот суть теоретических воззрений на характер формирования индивидуальной идентичности в современных западных обществах.

Как известно, своим влиянием такая позиция обязана прежде всего Энтони Гидденсу (57, 59). Как считает Э. Гидденс, конструирование Я становится рефлексивным проектом. Этот рефлексивный проект Я является базисным элементом рефлексивного модерна – индивид должен выбрать свою идентичность среди стратегий и выборов, предлагаемых абстрактными системами.

Индивидуальное Я превращается в рефлексивный проект. Если в традиционном обществе личностная идентичность складывалась из набора последовательно сменяющих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными «метками» (типа инициации), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего Я как конституирующие элементы самоидентичности в меняющемся, «контрфактическом» социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными и абстрактные системы, которые предлагают постоянно расширяющийся набор социально-научных, педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций.

В современных условиях осуществление тождества своей личности, «разработка траектории Я» становится одной из главнейших жизненных задач индивида. Я есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид; «мы являемся тем, что мы сами из себя создаем», поэтому понимание себя подчинено более фундаментальной задаче построения и реконструкции целостного чувства идентичности. Я разрабатывает траекторию своего развития, возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее. Целостность самоидентичности опирается на непрерывность связного автобиографического повествования (выраженного или нет). Перед индивидом фактически стоит нравственная

задача самоактуализации – это достижение подлинности Я, т.е. «верности самому себе»; этот процесс требует интерпретации прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного Я.

Наряду с теоретической разработкой проблематики социальной идентичности осуществляется интенсивное исследование эмпирических процессов формирования групповой и индивидуальной идентичности. Не в последнюю очередь это связано с тем, что такие идентичности зачастую воспринимаются как определенная альтернатива общенациональной, национально-государственной или модерново-универсалистской моделям формирования идентичности.

Репрезентативным в этом отношении представляется позиция Джонатана Фридмана (54). Нынешняя эпоха предстает у Дж. Фридмана как эпоха «усиливающегося беспорядка», который имеет глобальную природу, но вместе с тем обладает систематическим, т.е. специфическим и предсказуемым характером. Этот беспорядок связан с разложением универсалистских, основывающихся на разуме структур модерна, в результате чего усиливается интеграция объединений более низкого порядка, возникают новые структуры, политические союзы и, соответственно, – новые конфликты.

Центробежные тенденции современного социального мира увязываются Дж. Фридманом с кризисом идеала всеобщего прогресса, имеющего глобальный и необходимый характер, и отходом от соответствующей политики. Этот кризис выразился в распаде единства господствующей социальной формы и иерархии идентичностей. Произошел поворот от политики, направленной на формирование национально-государственной идентичности, к политике культурной идентичности, связанной с процессом размножения «новых» идентичностей, процессом мультикультурализации. Центральным моментом указанного процесса, по мнению Дж. Фридмана, является «этнификация идентичности». Речь идет о возникновении социальной идентичности, которая основывается на специфической конфигурации сознания, базирующейся на истории, языке, расе. Все это – социально-конструируемые реальности, однако признание их конструируемого характера не означает, по мнению Дж. Фридмана, что они ложны или идеологичны. Более того, он считает, что опасно и неразумно отрицать аутентичность этнокультурной идентичности как значимого социального феномена.

Нации распались на множество этнических и культурных образований. Дж. Фридман выделяет следующие типы новых идентичностей, являющихся новой основой группообразования: этнический тип, националистический, религиозно-фундаменталистский и локальный. Этот процесс имеет повсеместный, глобальный характер. Субнационализм; этнические и локальные движения; конфликты и локальные войны; образование общин, основанных на локальных характеристиках, обладающих собственным культурным самосознанием и стремящихся к автономии от национально-государственных центров; резкое усиление фундаменталистских религиозных движений и как результат — ослабление и трансформация национально-государственного принципа, составляющего один из компонентов проекта модерна и мирового социального и политического порядка, основанного на нем. Эта трансформация глобального порядка ведет к возникновению глобальных экономических и политических классов и широкому обнищанию и миграции больших групп населения.

Культурная этнификация представляет собой глобальный процесс, создаваемый множеством культурных идеологий, которые быстро распространяются по всему миру и способствуют активной политизации культурных идентичностей среди иммигрантских меньшинств, субнациональных регионов и местного населения. Речь идет об утрате гегемонии, дезинтеграции предлагаемой универалистской модели идентичности модерна и глобальном размножении локальных идентичностей. Закат гегемонии центра принимает форму усиливающегося мультинационализма, а этническая консолидация влечет за собой формирование новых элит.

Предложенная Дж. Фридманом классификация стремится зафиксировать некоторые сложные явления, связанные с многообразным, в чем-то даже хаотичным процессом оформления этнокультурных идентичностей.

Национальные группы требуют установления прозрачных границ и права присутствовать и жить в рамках любых национально-государственных образований. Кроме того, мультикультурализм и как принцип, и как практика чреват опасными последствиями для универсального и гомогенного социально-культурного пространства национального государства. Иммигрантские религиозные и этнические меньшинства, сохраняя групповую организацию, сохраняют и соот-

ветствующую религиозную и этническую идентичность, что не позволяет им до конца проходить процессы ассимиляции. Более того, как свидетельствуют социологические исследования, иммигрантские меньшинства осуществляют активное сопротивление процессу ассимиляции и «растворения» в большом обществе. Их взаимодействие с большим обществом носит сложный характер. Иммигрантские группы, взаимодействуя с большим обществом, принимают его «сообщения», но оказываются не склонными к его адекватному, соответствующему установленным нормам и правилам прочтению. Они интерпретируют это «послание» по-своему. Культурно-нормативной системе большого общества они противопоставляют свою нормативно-культурную систему и свои способы прочтения культурных норм и кодов и заставляют каждое нормативно-культурное послание большого общества функционировать в их собственной системе норм и кодов. В результате универсальное культурно-нормативное пространство национально-государственной территории разрывается, в нем образуются инокультурные лакуны, разрывается единая система смысловых коммуникаций. Все это напрямую «врывается» в политический процесс, порождая новые противоречия и конфликты, ставя под вопрос единство национально-государственного образования, а также порождая противоречия и конфликты в процессе конституирования индивидуальной идентичности. А это неизбежно ведет к определенным, большей частью негативным последствиям для субъектной интегрированности и целостности.

Заключение

В работе были рассмотрены некоторые важнейшие моменты социального существования и функционирования человека, живущего в условиях современных западных обществ. Очевидно, что эти моменты в определенной форме и характеризуют вообще социальную жизнь человека в современном глобальном мире.

Работа была призвана, с одной стороны, предложить определенный диагноз современного социального существования человека, а с другой стороны — проверить идею социальной субъектности.

Для решения этой задачи была предпринята попытка указать базисные формы социальной субъектности. Первая из них, названная «универсалистской», была реконструирована на основе классической философии истории. Вторая была названа «приватной». Между ними как крайностями располагается определенный спектр возможных форм реализации социальной субъектности. Во введении были определены некоторые важнейшие условия конституирования социальной субъектности, на основе которых, собственно, и были выделены ее базисные формы. В частности, социальная субъектность была отделена от социальной агентности как таковой, т.е. способности человека создавать общество и быть его функционером. Социальная агентность постулируется в работе в качестве условия возможности социальной субъектности, которая подлежит осознанной и активистской реализации.

Современная социальная философия и социология могут рассматриваться как средство диагностики, позитивной и негативной, объективных возможностей социальной субъектности через анализ объективных социальных условий и социального опыта индивидов, живущих в современных западных обществах.

Выбор тематики был обусловлен значением соответствующих сфер социального существования и функционирования для оценки субъектного потенциала индивида, как он был определен.

Рассматриваемую тематику можно разделить на два блока. Первый образуют темы, характеризующие объективную социальную ситуацию индивидов, живущих в современных западных обществах, — положение человека в рамках социальной дифференции, в системе трудовых отношений, отношение человека к технике, фактор глобализации. Данные объективные социальные условия существования человека рассматриваются главным образом с точки зрения возможностей реализации социальной субъектности.

Ко второму блоку отнесены темы, более непосредственным образом связанные с характеристикой субъектно-субъективного социального опыта индивида. Это проблематика социальной идентичности и проблематика жизненных стилей.

Отношение к истории, отношение к технике, восприятие социального пространства и времени задают определенные базисные характеристики социального опыта индивида, его спонтанного самовосприя-

тия. Эти характеристики представляют собой также некоторые важнейшие условия социального самоопределения человека, соответственно условия социальной субъектности в ее актуальном и потенциальном измерениях. Именно в этом качестве они главным образом и рассматривались. Разумеется, к условиям самоопределения и субъектности относятся и объективно-структурные характеристики социального положения индивида.

Анализ объективно-структурных характеристик социального положения индивида в современных западных обществах показывает, что реализация универсалистской формы социальной субъектности в нынешних условиях крайне затруднена. Все рассмотренные характеристики — это своеобразные индикаторы усложнения устройства всех современных обществ. Об усложнении объективно свидетельствует также подвижность и изменчивость основных социальных структур.

Это значительно осложняет процессы оформления и функционирования универсалистской, индивидуальной и групповой социально-трансформистской ориентации, имеющей особое значение в контексте проблематики социальной субъектности.

Еще один важнейший фактор, препятствующий реализации универсалистской формы социальной субъектности, — это засвидетельствованная отчетливая тенденция к атомизации, индивидуализации, парцеллизации социального существования человека.

В то же время данное обстоятельство, данная тенденция создает определенные благоприятствующие условия для реализации второй основной формы — социальной субъектности как созидания и реализации приватного индивидуально-личностного проекта.

В нынешних социальных условиях в тесной функциональной и смысловой связи оказываются социальная идентичность, потребление и жизненный стиль индивида. В такой связи находит выражение процесс атомизации и индивидуализации, в свою очередь отражающий многие характерные черты современных обществ. Налицо и массовое устремление к осознанной и активистской выработке и реализации такой связи идентичности, потребления и жизненного стиля. В подобной устремленности можно, пожалуй, увидеть наиболее отчетливое проявление социальной субъектности в рамках современного социального состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М.: Академия исследований культуры, 2001.
2. Арентц Х. Истоки тоталитаризма. – М.: Центр Ком, 1996.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999.
5. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО, 1995.
10. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.
11. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.
12. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Логос, 2003.
13. Гидденс Э. Ускользающий мир. – М.: Весь Мир, 2004.
14. Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Редкол.: Игрицкий Ю.И., Малиновский Н.В. – М., 2002. – Ч. 1; Ч. 2; Ч. 3.
15. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУВНГ, 2000.
17. Кимелев Ю.А. Современная западная философско-религиозная антропология. – М.: Наука, 1985.
18. Кимелев Ю.А. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса в освещении западных социологов // Современная западная теоретическая социология. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – Вып. 1. «Юрген Хабермас».
19. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Концепция общества Юргена Хабермаса // Современные социологические теории общества. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
20. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Теория общества Энтони Гидденса // Современные социологические теории общества. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
21. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализированного модерна и постмодерна. – М., 1996.
22. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна – М., СПб: Алетейя, 1998.
23. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: «КАИОН-пресс-Ц»: «Кучково поле», 2003.
24. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1997.
25. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004.
26. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. – М.: Наука, 1990.
27. Полякова Н.Л. Социологические проблемы труда и современных технологий. – М.: ИНИОН РАН, 1987.
28. Полякова Н.Л. Труд в социологической теории // Вестник Московского университета. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – № 2.
29. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1.
30. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М., 1998.
31. Туроу Л. Будущее капитализма. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996.
32. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект-Пресс, 2004.
33. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2002. – Ч. 1.
34. Хардт М., Negri A. Империя. – М.: Прогресс, 2004.
35. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Практика, 2004.
36. Якимова Е.В. Западная социальная психология в поисках новой парадигмы. – М.: ИНИОН РАН, 1993.
37. Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии. – М.: ИНИОН РАН, 1996.

38. Humanidades para el siglo XXI. – Alvera R., Spang K. (Eds.). Navarra: EUNSA, 2006.
39. Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. – Minneapolis, 1996.
40. Badham R.J. Theories of industrial society – L.: Sidney: Croom Helm, 1986.
41. Baudrillard J. L'illusion de la fin ou La grève des événements. – P.: Galilee, 1992.
42. Bauman Z. Globalization: The human consequences – Cambridge, 1998.
43. Bauman Z. Consuming Life // Journal of Consumer Culture – L., 2001. – Vol. 1. – P. 9–29.
44. Ceri P. La società vulnerabile. – Roma: Editori laterja, 2003.
45. Crespi F. Identità e riconoscimento nella sociologia contemporanea. – Roma: Editori Laterza, 2004.
46. Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus. – Stuttgart, 1987.
47. Dahrendorf R. Life chances: Approaches to social and political theory. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1979.
48. Drucker P.P. The new realities. – N.Y.: Oxford, 1996.
49. Drucker P.P. Post-capitalist society. – N.Y., 1995.
50. Eisenstadt S.N. Multiple modernities in the age of globalization // Department of sociology and anthropology at Fruman research inst. The Hebrew univ. – Jerusalem, 1998.
51. Featherstone M. Consumption and life-style // Journal of consumer culture – L., 2001. – Vol. 1. – P. 40–62.
52. Ferrarotti P. Five scenarios for the year 2000. – N.Y., 1986.
53. Ferrarotti P. The myth of inevitable progress. – Westport. (Conn.): L., 1985.
54. Friedmann J. Order and Disorder in Global Systems: A Sketch // Social research. N.Y., 1993. – Vol. 60, N 2.
55. Friedman L.M. The horizontal society. – New Haven: L., 1999.
56. Giddens A. The consequences of modernity. – Stanford: Stanford univ. press, 1990.
57. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1991.
58. Giddens A. Social theory and modern sociology. – Cambridge: Policy press, 1987.
59. Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1992.
60. Gorz A. Métamorphoses du travail: Quête du sens: Critique de la raison économique. – P.: Galilee, 1988.

61. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. – 3 durchges. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. – Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung.
62. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. – 3 durchges. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. – Bd. 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft.
63. Leonor Arfuch. El espacio biográfico. – Buenos Aires: Fondo de cultura económica, 2005.
64. Mc.Guigan J. Modernity and postmodern culture. – Buckingham: Open univ. press, 1999.
65. Müller H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.
66. Naibitt G. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. – N.Y., 1982.
67. Lash S., Urry J. The end of organized capitalism – Cambridge: Polity press, 1987.
68. Offe C. Disorganized capitalism: Contemporary transformations of work and politics. – Cambridge: Polity press; Oxford: Blackwell, 1985.
69. Rifkin J. The end of work. – N.Y.: Putnam Sons., 1996.
70. Rifkin J. The age of access. – N.Y.: Penguin Putnam Inc., 2001.
71. Ritzer G. The McDonalidization of society. – L., 1993.
72. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. – L., 2004.
73. Rohbeck J. Technik – Kultur – Geschichte. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.
74. Roszak T. Person-planet: The creative disintegration of industrial society. – Garden City (N.Y.): Anchor press – Doubleday, 1979.
75. Toffler A. The adaptive corporation. – L., 1985.
76. Toffler A. Powershift: knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century. – N.Y.: Bantam books, 1990.
77. Toffler A. Previews and premises: An interview with the auth. of «Future shock» and «The third wave». – N.Y.: Morrow, 1983.
78. Touraine A. The post-industrial society: Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. – N. Y., 1971.
79. Touraine A. Critique de la modernité. – P.: Fayard, 1998.
80. Tomlinson G. Globalization and culture. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1999.
81. Urry G. Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century. – L.: N.Y., 2000.
82. Waters M. Globalization. – L.; N.Y.: Routledge, 1996.

Ю.А. Кимелев

**«СУБЪЕКТ» И «СУБЪЕКТИВНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Художественный редактор Т.П.Солдагова

Технический редактор Н.И.Романова

Корректор С.А.Левитанская

Гигиеническое заключение

№ 77/99-6-953/11-5008-8-99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати – 30/XI 2006 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цепь

Усл. печ. л. 6,0

Уч.-изд. л. 5,7

Тираж 250 экз. Заказ № **162**

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел./Факс (095) 120-4514

E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9